
ЧИТАТЕЛЬСКОЕ
ПРИЗНАНИЕ
Литература, которую
выбрали читатели

Коллектив авторов
Алина Ланина
Читательское признание

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74669776
Читательское признание : сборник прозы и поэзии / сост. Алина Ланина: Четыре; СПб; 2026
ISBN 978-5-908132-78-7

Аннотация

«Читательское признание» – сборник лучших произведений победителей литературного конкурса разных лет. Здесь нет общей темы и заданных рамок: каждый автор говорит своим голосом и показывает то, что для него по-настоящему важно. В книге собраны проза и поэзия, истории о жизни, любви, памяти, выборе, мечте и человеческой душе. Эти тексты уже нашли отклик у читателей, были замечены, оценены и запомнились. Теперь они собраны под одной обложкой, чтобы представить тех, чьё слово заслужило самое честное и ценное признание – читательское.

Содержание

Написано сердцем 10
Нарине Авагян 11
Рассвет 12
«Ты волком-однолюбом на пороге…» 13
Замок 14
В моих ладонях 15
«Непроницаемая тишина вполне…» 16
«Свидетелем была рожденья света…» 17
Судьба 18
Созидание 18
Родина 19
«В огонь вонзаю свои руки…» 20
Фаддей Альхов 22
В ботаническом саду 23
Шаги мои 24
Семье 25
В потоке… 26
Июнь 27
Пушкин в Йошкар-Оле 28
Круги 29
Слово о Пушкине 30
Что нужно мне 31
Далёкой порой 32

Губителям России 33
Утро 1 января 2026-го 34
Наталья Бабочкина 35
Не зависит весна 36
Хуже во сто крат 36
Не ищи недостатков в доме 37
Ждите всегда хорошее 38
Своя дорога 38
Про мысль 39
Так просто 40
В центре своей жизни 41
Пока мы живы… 41
Твоя колокольня 42
Убежала молодость 43
Годы, месяцы, минуты 44
Отвечайте взаимно 44
Дорожите настоящим 45
Не уставай благодарить 46
Есть вечное 47
Между двумя краями 47
Анна Биюшкина 49
«Мой удел – лишь страдать…» 50
Шёпот прошлого 51
«Что дальше? А дальше зима…» 52
Люблю 54
Хроники Созвездий. Книга 2. Поиск 54

истины (Отрывок из романа)
Светлана Браун 63
С любовью к России 64
Памяти поэта 65
Отзвенело, отцвело… 65
И всякий миг – находка! 66
Поют осенние цветы… 68
Время не спешит… 69
Остывающий свет… 70
Отрадный мир 71
Надежда 72
Осенний прованс 72
Неторопливый парадиз… 73
Осенний консонанс 74
Ступаю по осени… 75
Незваный гость 76
Разгуляй 77
Ты шепчешь мне… 78
Так хочется пить! 79
Предзимье 80
Первый снег 81
Ноябрь 82
Осенняя метель 83
Зази́мок 85
А нынче – снег… 86
Образ таинства 87

Тает сердце, тает… 88
Долгий вечер 89
Послушай тишину… 90
Выйду утром ранним… 91
Последние аккорды февраля… 92
Дыхание весны 93
Первый снег любви 94
Благословение души 95
Ноктюрн в апреле 96
Весенняя мелодия 97
Майский вечер 98
Лето шепчется со мной… 98
Дождь в июле 99
Август 100
Обитель вечности 101
Путь-дороженька 102
Берега, берега… 103
Всё пройдёт… 104
Жизнь отрицает тусклый цвет! 105
Случилось! 107
Свет моей любви 108
Слов негромких волшебство 108
Давай с тобою помолчим… 109
Мама, милая мама… 111
Колыбельная доченьке 112
Школьное окно 113

У войны кровавое лицо… 114
И небо зацветёт… 118
Так маетно живём… 121
Беги, беги, моя строфа… 123
Целебный лад 124
Благословенная пора… 125
Игорь Вайсман 129
Посещение 130
Соприкосновение миров 133
Мышка в банке 136
Валерий Готман 142
«Убегают дни от нас…» 143
Просто пожелание… 144
«Есть люди с именем негромким…» 144
«Поощренье – это сила…» 146
О правде 146
«Добро – творенья нашего ребро…» 148
Упрёк 148
О русском языке 149
«Фонтаном радости из сердца бьёт любовь…» 150
Пригласительной одной 151
Напрасна попытка 152
«Желая доброго другим…» 152
«Первый запах весны…» 153
Январские рубежи 154

«Верность Христа не имеет границы!..» 155
«Рисует осень яркие картины…» 156
«Напрасна попытка…» 157
«Жизнь людская словно шопинг…» 158
Александр Ефимов 160
Картинки из детства 161
Командор Хренов 167
Светлана Иванова 170
Покатилось наше лето 171
Бабье лето вновь плетёт интригу 172
Осень с летом закрутила 173
Месяц вышел 174
Я из счастья сошью сарафан 175
Луна как пёс в ночи 176
Осень разгулялась по кварталам 177
Ветер-бродяга 178
Я знаю, как любовь уходит 179
Ромашки 180
Расплетает косы лето 181
Не всем нам будет девяносто 182
Разъезды 183
Альберт Кайков 185
Таёжная трагедия (Глава из повести «В Туруханской тайге») 186
Конец ознакомительного фрагмента. 195

Коллектив авторов
Читательское признание

© Издательство «Четыре», 2026

Написано сердцем

Нарине Авагян

Член Интернационального Союза писателей, Союза писателей Армении, Союза армянских писателей Америки, Союза культурных деятелей Армении, литклуба «Творчество и потенциал», литературно-культурного клуба «Тир»; почётный член СПР Московской области. Имеет множество творческих наград, среди которых:

– медаль А. С. Пушкина (к 200-летию поэта);

– медаль «Творчество и потенциал» им. К. И. Чуковского (Санкт-Петербург, 2022);

– медаль «350 лет со дня рождения Петра Первого» (РТ-

СРК, Москва, 2023);

– медаль «За заслуги в культуре и искусстве» (СПР Московской области, 2023);

– золотая медаль «Месроп Маштоц» (Всемирная ассоциация исполнительских искусств, Армения, Ереван, 2023).

Рассвет

Я видела рождающийся свет,
И муки, и страданье, между прочим,
Стыдливость в нём прекрасной из невест
На зорьке ранней после бурной ночи…

Из нитей светлых выткался рассвет,
И небо улыбалось как младенец,
В нём было будто ангела рожденье
Вуалью нежной в утренней росе…

Была свидетельницей чуда я,
Как будто видела надежды я рожденье,
И, ночь омыв, разлился свет, виясь.
Свет – сказочная песня озаренья…

Я видела, как ожерельем став,
Роса покрыла лентой-пеной травы,
Ростки покрыла вешние с утра,
Короновала день своей оправой…

И, пальцами духовными продлясь,
Клубок раскрылся всех моих мечтаний,
И грех погиб, с гармонией – лишь связь,
И мир ареной стал для созиданья…

Я чудо видела: разлился в мире свет,
Рассвет рождая, жизнь и ожиданье.
Магический и нежный мой рассвет
Ко мне пришёл как древнее преданье…

«Ты волком-однолюбом на пороге…»

Ты волком-однолюбом на пороге
Души моей клубком свернулся верным,
Держа цветок в ладонях, ты с дороги
Пришёл ко мне с лучом рассветным первым…

В глазах твоих – огонь неукротимый,
В устах – от поцелуев моих надпись,
Пришёл случайно ты, неотвратимый.
Дай прикоснусь щекой твоей я лапы…

Сошлись в едином радость, ликованье,
В твоих ладонях – ожиданий жажда,
Пятно греха – бездыханною тайной:
В глазах твоих раскаянья след влажный…

Как будто ты спускаешься по тропке,
Летишь, держа в руках светильник счастья.
«Пришёл ты!» – Прислонюсь к плечу я робко.
Ты крепко обними меня и властвуй!

Ты волком-однолюбом вновь вернулся,
Домой вернулся утром… на рассвете…

Замок

Закрыв себя, в замок я превратилась,
Мой день без сини будто бы разут,
Я трещину даю, но не ломаюсь
Из глины обожжённый как сосуд…

Но сколько сердцу выдержать? Ведь треснет.
Как сохранить себя, но не застыть?
И листопад вдали такой прелестный,
Ковёр, старея, так теряет нить…

В клубок я превратилась ненароком,
Никак блаженной вести не дождусь.
Ночь вечная моя вся в воскурениях:
Я уповаю на надежду, жду…

В моих ладонях

В моих ладонях мир взращён:
Глоток любви, горсть небосклона,
И тёплый детский родничок,
И веры луч в моих ладонях…

В устах – запрятанный твой смех,
В слезинках – плач в моих ладонях,
В ладонях влажных счастье, грех
Сияют солнца перезвоном…

И ностальгии вечный зов,
Объятий жарких предисловье,
И духа нищета, и снов
Счастливых детских ясный повод…

Зимы зелёный контур скрыт,
В моих ладонях – день весенний.
И листопадом жизнь бурлит:
Надежды, всплески и сомненья…

Условной жизни там баланс,
И грёзы в ярких сновидениях,
Печаль, отрада, звёздный час,
Судьбы случайной дуновенье…

Покрепче их держи в руках,
Коснись их с нежностью медовой,
Но не сжимай, не закрывай
Отяжелевшие ладони…

Ведь ты поймёшь совсем без слов,
В них твоя пристань и любовь…

Сжимай покрепче их, мой милый…

«Непроницаемая тишина вполне…»

Непроницаемая тишина вполне,
И песни уж давно ждут откровенья,
Фонтана струйки так летят наверх:
Они – души бездонной озаренья…
И самообличения пути
Давно прошла… Жизнь, знаю, суетится…
И рукопись в душе… Как мне пройти
Всю сопредельность, что в стихах таится?
Мне в полном забытьи так трудно жить
И отделить тревожный мрак от света,
Чтоб в душу вновь гармонию вложить,
Хоть и бежит от солнца луч рассвета.

«Свидетелем была рожденья света…»

Свидетелем была рожденья света,
И родовых мук видела я огнь.
Мучений крик, борьба и радость вместе,
Стыдливой женщиной разлился небосклон…

Я видела, как из лучей рассвета
Создало утро неба синеву,
И нежным вздохом, покрывалом-ветром
Лик свой открыло миру наяву…

Свидетелем была сегодня чуда:
Надежда так рождается, живёт,
Волшебного златого света кудри
Прикрыли ночи мрачной небосвод…

И, как роса предутреннею феей,
Жемчужной пеной-лентой мир прикрыв,
Застыла на ростках, алмазом млея,
Как вешних дней чарующий прилив…

И как в духовных пальцах мирозданья
Клубок завился – грёз, любви, мечты,
И как исчез в сердцах грех стародавний,
Забыл мир все оттенки суеты…

Я видела: на небосводе ясном
Рождалась утра чувственная высь.
Нет ничего возвышенней, прекрасней,
Чем миг, когда свет, магия сошлись…

Судьба

Горсть надписи на лбу неся,
Тропинку прохожу смиренно,
Что было, то простила я,
Стремясь к светилу лишь нетленно…

Ты приходил лишь в холода,
С теплом всегда в путь собирался,
Мне оставалось только ждать,
В мечту лишь веря, как и раньше…

Горсть надписи на лбу неся,
В черновиках ищу я мысли.
Тропа над головой нависла:
Я клинописью стану вся…

Созидание

Раскрыл глаза росток ещё зелёный

С надеждой, чуть испуганной на мир,
Повесил ноги на побеги сонные
И улыбнулся как весны кумир…

Он восхищался миром и цветами:
«Как мил и бесконечен щебет птиц!
Ласкает, будто солнце, мир руками,
Разыгрывают почки вешний блиц…»

Свет почки мило дерева коснулся,
Чтоб жемчугом весны весь мир расшить,
И праздником цветенья мир проснулся…

Из влажных небосвода каплет глаз
Красавицы весны безумной власть…

Родина

Ты – биография на исторических камнях,
Ты – летящее на летних волнах
Предисловие дня,
Пронизывающий рассвет…
Ты – рой пчёл, опьянённых пыльцой,
Младенец на четвереньках лицом
К колыханью пшеничного поля…
Ты – зефир, дующий из ароматных долин,
И молочное небо вдали,

Несущееся на крыльях светила…
Ты – бредущий мудрец на заре,
Идущий из глубин старости,
Ты – капающий из пальцев каллиграфа
Нарек.
Ты – дрожь сердца, ты – ангел
И капелька слезы на предутренней траве,
Ты – светло-зеленая грёза, поверь.
Идущая мне навстречу реальность
В каждом шаге своём.

Ты – то всё, что есть во мне —
Извне, во сне и наяву:
Мой город,
Моя семья,
Моя сущность…
И все они меня зовут…

Ты – моё поверье,
Ты – то всё, чему я слепо верю.

«В огонь вонзаю свои руки…»

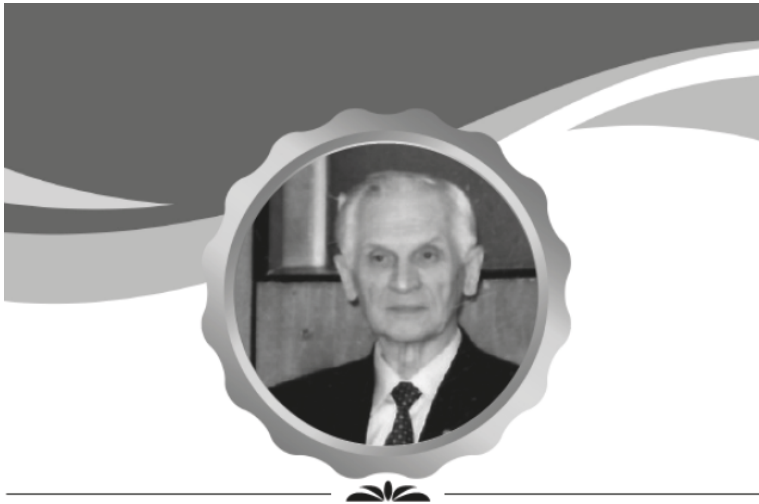
В огонь вонзаю свои руки,
Хочу, чтоб сердце охладилось,
Не знаю, выдержат ли муки
Под тонкий шёпот зла спесивый…

Проходит жизнь в наряде солнца,
Ручей течёт вниз: в травах, в июле.
Дай бог, чтоб усталь стала томной,
Лишь сердце б жаркое остыло…

А воздух точно вопль кадила,
В огне ещё томятся руки.
Как выжить в пламени, как силы
Мне сохранить? Попробуй, ну-ка.

Перевод Ара Геворкяна

Фаддей Альхов

На берегу реки Малая Кокшага, в г. Йошкар-Оле, что в окружении сосновых боров Марийского края, проживает автор стихотворений Фаддей Альхов (Альфред Фадеевич Хобер). 22 марта 2002 года, когда получила путёвку в жизнь небольшая книга, на которую сподвиг его младший сын Павел, началось продвижение и становление творческого голоса. Литературное творчество стало любимым занятием, главным делом, смыслом и содержанием бытия. В йошкар-олинских издательствах «Сельские вести» и «Стринг» увидели свет многие книги. В московском издательстве «У

Никитских ворот» получили путёвку в жизнь «Мелодии времён». А в издательстве Интернационального Союза писателей – «Вековые жизни кольца» (2018). Крепнет творческое сотрудничество с издательством «Четыре».

В ботаническом саду

1. Светит солнце. Дует ветер.
Холодок вернулся в сад.
Нам всего дороже эти
Строки, что в саду звучат
О берёзках рощи тихой,
О душе и о весне,
О победном Дне Великом,
О любви, что в каждом дне…
В шелесте листвы зелёной —
Шорохи скользящих строк.
Сад взволнован, удивлённый,
Как же всё устроил Бог!

2. Под сень свою нас приняла с восторгом
Беседка в ботаническом саду.
Торопятся поведать нам о многом
Стихи… стихи, как чайки на лету.
Слова, как камешки из горной речки,
Как колокольцы, серебром звенят.
Все слушают задумчиво-беспечны,

О сокровенном льётся стихопад.
Прильнули к сокровенным строкам тоже
Кусты, деревья, майская трава,
А к ним – случайных несколько прохожих
Да и небес далёких синева…

27.05.2018

Шаги мои

Дитя войны, кому я нужен?
Своей семье! Семье своей!
Никто иной не обнаружен
Средь государевых «друзей».
Как будто на другой планете
Живу, дитя войны большой[1],
И обо всём пишу на свете:
Случалось, что в пути со мной.
Завод случился уникальный,
Куда направлен был судьбой,
На нём прошёл курс магистральный
Я становился быть собой.
Во времена те золотые
Среди участников войны
Учился в годы молодые,
Как быть полезным для страны.

[1] Великая Отечественная война 1941–1945 гг. (*Прим. авт.*)

И, видно, что-то удавалось,
Хотя звёзд с неба не хватал,
Моя энергия вливалась
В то, что завод наш создавал.
И много лет в строю едином
Крепил могущество страны,
И с коллективом-исполином
Шаги мои были верны.

12.03.2026

Семье

Павлу, Евгении, Егору, Даниилу

Они уехали сегодня,
Влекло их море, Ялта, Крым,
Благословлял их взор Господний,
И охранял сам херувим.
Асфальт ложился под колёса,
И рвался шелест в облака.
А где-то там кружили осы,
Вкусить хотелось им медка.
Справлялся с ролью навигатор,
Предупреждал о том, что знал,
И как решительный диктатор
Свой курс дорожный предлагал.
Им покорялось и пространство,

И открывалась красота
Земли – природное убранство,
Дорожных знаков пестрота.
Мелькали дворики, посёлки,
И объезжались города.
Несло их время в ритме, с толком,
Сопротивлялась суета…
Насколько было всё роскошно,
О том поведают потом,
Ну а пока маршрут дорожный
Им дарит встречи с новым днём.

10.08.2021

В потоке…

Срываются тихо с планеты
Июни людской суетни:
День первый, второй и день третий —
Уйдут друг за другом они…
Несёт нас небес повеление,
Мы в этом потоке плывём:
Кому-то угодным течением,
Каким-то угодным ручьём.
Размолвки людей, разногласия,
Их разноречивый разброд,
И страны бредут в катавасии,
Страдает и гибнет народ.

Угрозы снуют, подозрения,
А тайное взрывом грозит:
Друг к другу полны мы презрения,
Нацист или антисемит.
Земное дрожит население,
В неясности страх заключён:
Куда нас ведут выяснения?
Дождёмся каких мы времён?

03.06.2021

Июнь

Белый цвет уронили сирени,
И черёмух цвет белый упал.
Непонятно, каким повеленьем
Разрастается летний скандал:
Середина июня, прохладно,
Поливают наш город дожди.
Огорчительно, просто досадно,
Что другого не видно пути.
Повинны в чём-то сами,
Не так себя ведём.
Холодными дождями
Нас хлещут поделом.
Время катит дождями бесстрастно,
Дни плюсуются к тем, что прошли,
И пласты нарастают контрастно:

Расцвели, отцвели и… ушли,
И дожди переливами льются,
И нечаянно выплеснут грусть,
Приглашая в печаль окунуться.
Ни за что! От неё открещусь!
Повинны только сами,
Не так себя ведём.
Холодными дождями
Нас хлещут поделом.

02.06.2022

Пушкин в Йошкар-Оле

До набережной – от сквера,
До Пушкина – от Пушкина,
Размеренно и уверенно
Передвигаюсь по Пушкина:
Уличная артерия
От Пушкина[2] – до Пушкина[3].
Знаковые места с гением
Связывают, историю слушая.
Школа искусств Чайковского,
Гимназия имени Александровой…

---

[2] Начало улицы Пушкина. (*Прим. авт.*)

[3] Сквер с памятником А. С. Пушкину и до набережной, где установлен памятник поэту и его герою Евгению Онегину. (*Прим. авт.*)

Имя поэта высокое
Объединяет праведно.
И параллели четыре
Перпендикуляр нанизывает,
Го́рода интерьеры
Кокшагою обрызгивает.
В сквере – грачиные гнёзда,
Чайки – над Малой Кокшагою.
Крики несутся к звёздам
Поэтической сагою!

06.06.2021

Круги

Через парсе́ки[4], километры
Висит далёкая звезда,
А по дорогам бродят ветры,
Идут декабрьские снега.
Не обращая вниманья на нас,
Время течёт,
Под луной серебрясь.
Мы замечаем, что годы текут,
Только тогда,
Когда прерван маршрут.
От декабря следы ложились

[4] Парсек – внесистемная единица измерения расстояний в астрономии.

И собирались в целый год:
Снега вновь белые кружились,
Круг завершён. Другой пойдёт.
Не обращая вниманья на нас,
Время течёт,
Под луной серебрясь.
Мы замечаем, что годы текут,
Только тогда,
Когда прерван маршрут.
Покорны мы, ему подвластны —
Тому, что временем зовём,
А бело-чёрные контрасты
Сопровождают нас во всём.
Не обращая вниманья на нас,
Время течёт,
Под луной серебрясь.
Мы замечаем, что годы текут,
Только тогда,
Когда прерван маршрут.

14.12.2021

Слово о Пушкине

Отвернулось небо, так решило,
И того не миновать никак.
Снег февральский кровью оросило,
Непонятен миру этот факт.

Недоступна к пониманию расплата,
Оборвалась жизненная нить.
Этот миг багрового заката
До конца пришлось ему испить.
Тайною уход сей остаётся,
Непосильно в этом смысл искать…
Слово и Россия – то два солнца.
С ними он навеки, не разъять!

06.06.2020

Что нужно мне

Давно я знал, теперь я тоже знаю,
Что нужно мне, а что и подождёт…
И крыша есть, под нею обитаю,
Для жизни там всего мне достаёт.
Так жил всегда и жить так продолжаю,
И принимаю путь, какой бежит:
Извилистый – в сосновом нашем крае,
Среди событий, ими жизнь пестрит.
В семье я жил: в любви струились годы,
Рождались внуки, правнуки пошли…
Мы дорожили щедростью природы,
Боров сосновых и родной земли.
Случалось всё: и грусть стучалась в окна,
Печалились слезинками глаза.
Несло нас время, как всегда, неровно,

Но белая влекла нас полоса…

16.02.2026

Далёкой порой

1. Мы крохи, малолетки, мы жили под войной
Без хлебушка нередко, но чаще – с лебедой.
Что добывали мамы, кормили тем ребят,
Природными дарами снабжали лес и сад.
Глядели в мир с опаской, среди большой войны
Мамулечкиной лаской мы были спасены.
Воробышки-подра́нки[5] обижены судьбой,
В жестокой перебранке мы жили под войной.

2. Летели чёрные кресты,
Нас тенью накрывали.
Мелькали мамины персты,
Нас молча осеняли.
Спешила мама увести
От зла, что выло воем,
Хотела деточек спасти —
Бежала к лесу полем.
А над перроном, где состав,
Попридержав движенье,
Огонь и дым, столбищем встав,

[5] Подранок – зверь или птица, раненные охотником.

Всё жёг без сожаленья.
Кричали люди, стон висел,
Бомбил фашист проклятый.
Он в детской памяти засел —
День страшный…
Навсегда ты.

02.06.2022

Губителям России

Гибельна их мания величия
Во все века. Во все века. В века…
Всегда, поправ законы и приличия,
На Русь шагали полчища врага.
Несут столетья памятные даты:
Чудское озеро… Бородино…
И Сталинград, весь битвами распятый, —
Непобеждённый город! Всё равно…
Беснуется вся нечисть и сегодня,
Европа сатанеет в наши дни.
Потуги вражьи хищны и бесплодны,
Ужасно плохо кончатся они.

15.02.2026

Утро 1 января 2026-го

Блаженно дремлет двор огромный,
Высотки в окружении молчат.
Устала ночь, растаял тёмный
Её предпраздничный наряд.
Ночное кончилось веселье,
Салют местами отшумел,
И отдыхает населенье…

На Украине фронт гремел.

Наталья Бабочкина

Родилась в городе Грозном. Живёт в Москве. Первая публикация была в 1971 году в журнале «Огонёк». Окончила два факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Особой заслугой считает возрождение имени Вукола Лаврова. Соавтор литературоведческой монографии, 19 православных поэм, нескольких сборников стихов, аудиокниг на «Литрес». Член Союза писателей Москвы, литературного клуба «Творчество и потенциал» (СПб.) и «Объединения православных учёных». Номинант и лауреат многочисленных конкурсов, об-

ладатель почётных знаков «Золотое перо русской литературы» и «Литературный Феникс». Лауреат I степени литературной премии «Человек слова» в номинации «Голос Родины» (2024).

Не зависит весна

Мы меняем и русла, и моды.
Солнце сядет, но снова встаёт…
Не зависит весна от погоды.
Лишь от тех, кто её создаёт…
Не зависит весна от капели,
От звенящего звона ручьёв…
Наших вёсен смешные апрели
Поселили мы в сердце своём…
Не зависит от ссоры и встречи,
Вьюги посвиста иль соловья,
Ведь весна в моём сердце навечно.
И заслуга в том – только твоя…

Хуже во сто крат

Снова утром солнце поднимается,
В окнах разгорается огнём.
Всякий отыскать любовь старается,

По судьбе шагая день за днём.
Звёзды каждый вечер зажигаются,
Чтобы смог желанье загадать.
Люди неожиданно прощаются
И порой уходят навсегда.
Столько в жизни есть необходимого!
Разве кто в утрате виноват?
Очень страшно потерять любимого,
Но не встретить – хуже во сто крат…

Не ищи недостатков в доме

Если сердце тревога тронет,
Друг поможет всегда, поверь.
Не ищи недостатков в доме,
Где тебе открывают дверь,
А потом наливают чаю,
Угостив тотчас пирогом,
Где тебе говорят: «Скучаю,
Что так редко приходишь в дом».
Где помогут тоску развеять,
От печалей расколдовать…
Ты становишься там добрее.
Разве надо это скрывать?
Только дружба одна и, кроме
Слова доброго, мчат года.
Не ищи недостатков в доме,

Где друзья тебя ждут всегда.

Ждите всегда хорошее

Горе придёт непрошено
И улыбнётся зло…
Ждите всегда хорошее,
Чтобы оно пришло…
Сетуешь, не торопится?
Дело в тебе самой…
Горе подспудно копится.
Крылья, что за спиной,
Больше и не раскроются,
Если всегда грустить…
Прошлые беды скроются,
Только сумей простить.
Только поверь встревоженно,
Глядя в надежд окно…
Верьте всегда в хорошее.
Жди, чтоб пришло оно…

Своя дорога

Растает тревога, несчастье пройдёт,
А горе пускай не затронет.

Того, кто своею дорогой идёт,
Никто никогда не обгонит…
Твой путь хоть и труден, но ты не грусти.
Душой он твоею означен.
Непросто найти нам по жизни пути,
Успехи ища и удачу.
И всё же ты лёгкой тропой не польстись.
Нередко там ждут заморочки.
Дорогой своею идти торопись,
В судьбе не меняя ни строчки.
Преодолевая невзгоды и боль
И ноги сбивая до крови,
Лишь там повстречаешь свою ты любовь,
Судьбы своей счастье откроешь…
Пусть к счастью тебя трудный путь приведёт.
Мозоли пройдут на ладонях…
Того, кто своею дорогой идёт,
Никто никогда не обгонит.

Про мысль

Из тонкого прутика ствол начинается,
И в рослое дерево он превращается.
А каменной башни кирпичная кладка
Даёт основанье. Такая повадка.
Один только шаг – путешествий начало.
На тысячи вёрст уведёт от причала.

С одной только фразы роман приключится,
Где всё, что задумано, точно случится.
Нам кажется, мысль – это попросту малость…
А сколько поступков с неё начиналось!..

Так просто

Пусть счастьем души светятся!
Что понапрасну маяться?
Так просто исповедаться!
Так нелегко раскаяться…
Проступки перечислены,
Всё сказано, что сделано.
А искренне, не искренне,
Про то не всем и ведомо.
Себе хитрить не сможете,
Не утаите истину.
Раскаяньем поможете,
И только им единственным…
Всё душами отметится,
Всё сердцем вспоминается…
Как просто исповедаться!
Как нелегко раскаяться…

В центре своей жизни

Непредсказуемо капризны
И околдованы мечтой,
Живите в центре своей жизни,
Не на обочине чужой.
Зачем чужие вам заметки?
Пишите сами свой роман.
Зачем чужие вам объедки?
Свой заведите дастарха́н[6].
Тот, кто всегда вперёд шагает,
Преодолеть готов подъём…
Пускай другие наблюдают,
Как вам живётся день за днём.
Чтоб стать судьбы своей героем,
Ищите пару вам под стать…
Сумейте жизнь свою построить,
А не чужую наблюдать…

Пока мы живы…

[6] Дастархан – термин, который в Средней Азии, а также у некоторых других народов Востока означает скатерть, используемую во время трапез, или сервированный стол. В европейской культуре «дастарханом» принято также называть весь среднеазиатский обеденный ритуал.

Пока мы живы, надо нас жалеть,
И встречи ждать, и радостных известий!
Как это страшно: надо умереть,
Чтобы собрать родных и близких вместе!
Найдутся время, деньги, что надеть,
Слова найдутся… Где же были раньше?

Как это страшно, ведь оркестров медь
Не заглушит нам горечь прежней фальши!
Пред наступлением зловещей тьмы
Я вас прошу, задумайтесь серьёзно!
К живым ходите, пока живы мы…
Пока зовём… Пока ещё не поздно…

Твоя колокольня

Да, истину мы ищем много лет.
А поиск затруднён, порой обиден…
Не ошибайся, думая, что свет
С твоей лишь колокольни чётко виден.
Всем истину непросто разглядеть.
Порою только часть её и видно.
И вот от жизни остаётся треть,
А правды не увидел. Так обидно!
Присматривайся, чтобы осознать
И истину увидеть наконец-то.
Всем думалось, что до неё шагать.

А оказалось – рядом её место.
Счастливый получив в судьбе билет,
Поймёшь, что правдой люди не обидят…
Не ошибайся, думая, что свет
С твоей лишь колокольни все увидят…

Убежала молодость

Как преодолеть испуг?
Молодость прошла…
Почему-то старить вдруг
Стали зеркала…
Что же тут поделаешь?
У всего свой срок…
Убежала молодость
На другой порог…
Подойду я к зеркалу,
Улыбнусь ему.
Позабыв про мелкое,
Радостно вздохну.
И мне молодость в ответ
Скажет: «Не грусти…
Никакой обиды нет.
Ухожу. Прости…
Что же тут поделаешь?
Много впереди.
Ты о прежней юности

Речь не заводи…»
…Не ломаю рученьки,
Глядя в зеркала,
Ведь она ко внученьке
От меня ушла…

Годы, месяцы, минуты

У каждого из нас своя история,
Которая ведёт через года.
…Бывают годы, вычеркнуть которые
Из памяти хотим мы навсегда…
То ли обиды гложут невозможные,
То ли от горя душу не укрыть…
Порой бывают месяцы тревожные,
Которые так хочется забыть.
Но всё пройдёт, и радостью осветится
Желание дышать, творить и жить…
А есть минуты… Годы ты и месяцы
Готов отдать, чтоб только повторить…

Отвечайте взаимно

Называем слова серебром.
По хорошему слову скучаем.

Я всегда отвечала добром,
Но его ли в ответ получала?
Было всякое, что тут скрывать.
Кто-то злобой и завистью кто-то
Иногда мне спешил отвечать,
Не ценя доброты и заботы.
Кто-то, мелочно всё подсчитав,
Ценник прежней заботы озвучит.
А кого-то былая печаль
Поделиться печалью научит…
И взгрустнётся порой о былом.
Как всё благостно было и мирно!
…Я всегда отвечала добром.
А теперь отвечаю взаимно…

Дорожите настоящим

Да, нелёгок жизни путь.
Понимаем мы всё чаще,
Ничего нельзя вернуть.
Дорожите настоящим:
Этим взглядом, этим днём,
Этой робкою улыбкой,
Всем, что радует нас в нём,
Эфемерным, часто зыбким,
Этим ласковым лучом
И дождём, бредя по лужам…

Настроенье ни при чём.
Нам сегодня очень нужно
Всё, что выпало, до дна
Выпить, что б ни выпадало…
Настоящего стена
От тревог чтоб защищала,
Чтоб навек исчезла грусть,
Улыбались чтоб почаще…
Ничего нельзя вернуть.
Дорожите настоящим…

Не уставай благодарить

Не потеряй молитвы нить,
В словах запутавшись невольно.
Не уставай благодарить
За всё. И этого довольно.
Благодари за этот мир,
За тех, с кем свёл тебя счастливо,
За каждый день и всякий миг,
Часы отлива и прилива.
Благодари за солнца свет,
За блеск луны в ночи кромешной,
За то, что прожил столько лет
И поживёшь, бог даст, конечно.
И за родительский причал,
И за любви дары святые,

За то, что внуков повстречал,
Однажды дедом став впервые,
За то, что можно повторить
Слова молитвы богомольной…
Не уставай благодарить
За всё. И этого довольно…

Есть вечное

Тем жизнь и ценится, что есть в ней вечное.
Один раз в жизни платье подвенечное,
А если дружба – только бесконечная,
А если вера – только вековечная.
А если счастье, будет пусть заслуженно.
А руки станут от трудов натружены.
С любимым будут завтраки и ужины.
А встреча чтоб разлукой не простужена…
Лишь только б не поверить первым встречным нам.
Тогда в твоей судьбе и будет вечное:
Не ветреное, нет, и не беспечное,
И не шальное и не быстротечное…

Между двумя краями

Порой в беде мы виноваты сами.

Гигантский спуск ведёт нас на подъём.
Вся наша жизнь между двумя краями,
Что мы с тобой добром и злом зовём.
То штиль, а то безумное цунами.
Но синусоида возносит ввысь…
Вся наша жизнь между двумя краями,
Между добром и злом… Не ошибись!

Анна Биюшкина

Родилась и выросла в Нижегородской области. Окончила в 2022 году НГСХА по специальности «агрономия», в 2024-м – ФГБОУ ВО «РГАУ-МСХА им. К. А. Тимирязева» по специальности «садоводство» по направлению «ускоренные технологии селекции растений». Учится в аспирантуре. Работает научным сотрудником в лаборатории в ФНЦ «ВИК им. В. Р. Вильямса».

Принимала участие в конкурсах имморт-фантастики[7]*,*

[7] Имморт-фантастика (иммортализтская фантастика) – направление в художественной прозе и поэзии, содержащее позитивное отношение к бессмертию, омо-

в Международном молодёжном конкурсе научных и научно-фантастических работ «Горизонт-2100».

Участник 26 коллективных сборников. Состоит в литературном клубе «Творчество и потенциал» (СПб.). Награждена различными грамотами и медалями от изд-ва «Четыре».

Автор сборника стихотворений «Мелодия моего сердца» и книги «Хроники Созвездий. Книга 1. Пророчество».

«Мой удел – лишь страдать…»

Мой удел – лишь страдать,
А твой – за меня молиться.
Прости, но не могу я тебе
Любви дать светлое чувство.
Рождена я была вне земных границ,
В поднебесном шторме,
В дыханье ветра грозового,
Таким, что Божьим гневом зовётся.
В тот вечер битва кровавая была
И на земле, и на небе.
На небе – за души людские,
На земле – за жизнь мою.
Вырвалась из объятий смерти я,
Но, увы, душа осталась посредине где-то.
Может, глаголю истину людям,

ложению и продлению жизни.

А может, лгу бесподобно свету.

11.07.2025

Шёпот прошлого

Моя милая сердцу деревня.
Давно забытый яблоневый сад
Тихо шелестит листвой.
Стоят два дома в разных концах села.
Здесь помню своё детство я,
Смех братьев родных и кровных,
Смех прадеда и прабабки по линии отца
И тихий разговор взрослых по вечерам.
Шум застолий помнят те дома,
Помнят крепкие объятия после долгих разлук,
Помнят слёзы радости оттого, что родился очередной правнук,
Помнят первые встречи троюродных братьев и сестёр…
Помню игры на печке, где лежали мы кучнёй,
Помню, как было нам весело порой лазить по деревьям.
И как прадед кричал: «А ну, слезай, озорной!»
И как прабабка показывала мне своих коз.
Прошло много лет с тех пор.
Всё стоят те дома…
Но один уже и не мой, был продан он…
А в другом доме всё ждёт редких-редких встреч
Больной и постаревший сын ветерана.

Ушли в мир иной хранители старины,
Выросли внуки и правнуки,
Разметало их по странам,
А встречи всё реже…
Всё снится мне тот прекрасный сон,
Как звали прадед и прабабка меня,
Как нежно звучало в их устах моё имя,
«Анна, Анна», – всё слышу я в сновидениях.
И стоит в другой стороне моего края
Ещё один деревянный дом.
Там живёт бабушка моя
И жил мой дед.
Помню, как гостила у них я,
Искала с тётей чернику по лесам,
Помню запах хвойного леса
И как искала я там лисички…
Как юна и нежна была та пора,
Но остались только воспоминания.
И всё вспоминаю я в жизненных невзгодах,
Как прошло моё детство в деревнях…

23.07.2025

«Что дальше? А дальше зима…»

Что дальше? А дальше зима,
Суровая и беспощадная, как меч самурая.
Снег засыплет все поля,

И снова я дома, мама.
Папа опять, дрова нарубив,
Затопит баню и камин дома,
Сяду я у огня и вспомню о детстве.
Вроде я молода, а тело уже больное,
Чувствую, как болезнь – друг мой с рождения —
Сидит во мне, притихнув на время.
И кажется мне, что мир этот был сном,
Жизнь странная мелькнула как мгновенье.
Может, всё это было мимолётным миражом
И это всего лишь моё бредовое сновидение?
Трещат дрова в огне, снег сыплется за окном,
Сижу я как изваяние, карауля свой дом.
И Зена за дверью залает, постучит хвостом,
Васька рыжий прыгнет мне на колени,
Прибегут звери моего детства:
Собаки Филя и Крата да кот Стёпа.
И придут ко мне мои полуночные тени,
Прогремят салюты на периферии где-то,
Время пробьёт полночь громом,
Опять наступит Новый год.
Время колесо времени крутанёт,
Промчится год, как птица перелётная,
И снова дом, мой милый дом,
Где, я знаю, мама и папа нас ждут.

17.09.2025

Люблю

Люблю тебя, как весеннее дыханье ветра,
Люблю сильнее, чем все поклонники
этого мира,
Люблю нежно-нежно, как роза,
Люблю крепче, чем моя вера.
Люблю, шепчу я, смотря в небо,
Люблю, пусть даже любовь та безответна.
Люблю сквозь огонь на небо…
Люблю сквозь века и столетия,
Люблю сквозь жизненные перипетии,
Люблю сквозь пунктирные линии судьбы.
Только прошу тебя, живи, любимая,
Живи ярко, как звезда на небе,
Живи, как сияние севера прекрасное,
Живи счастливо всегда.

18.10.2025

Хроники Созвездий. Книга 2. Поиск истины (Отрывок из романа)

Космические Воздушные Силы Каптейна пропустили корабль сквозь планетарную систему обороны, просканировав его несколько раз, не обнаружили ничего подозрительного.

Стремительно быстрый и сильно отличающийся от всех кораблей в созвездии Живописца приземлился возле здания Сената, где была резиденция канцлера.

Тяжёлые металлические раздвижные двери пропустили посланца, которого никто до сих пор не видел: слишком был длинный капюшон, из-под которого выглядывал острый подбородок с пурпурными прожилками на коже.

Ва Мир Ин, встревоженный, приподнялся навстречу посланцу с Нибиру. Уже то, что корабль с планеты, которая вечно убегала, прибыл на Каптейн, заставило его насторожиться.

– Ваше высокопревосходительство, – посланец слегка склонился, голос прозвучал резко и отрывисто для слуха канцлера. – Мы прибыли сообщить печальную весть: Лидер Снайдер в коме вследствие покушения на него. Он отбился от нападающих, но раны зажили, а душа словно застыла; и не может ни умереть, ни вернуться к жизни. Возможно, если вы прибудете к нам, его душа найдёт путь.

– Кто мог напасть? Как он вообще попал к вам? – властно спросил канцлер. Казалось, новость не потрясла его. Только на миг дёрнулись губы и в глазах мелькнули на миг страх и отчаяние.

– Мы проследили данные его маршрута на компьютере. За ним была погоня, и он пытался их увести в сторону Магелланова облака, но, видимо, столкнулся с чем-то или кем-то и резко изменил путь. При этом в базе его компьютера

оказались весьма хаотичные гиперпространственные прыжки в разных частях созвездия. Мы предположили, что это были имперские агенты. Он… вернулся на Нибиру, потому что недавно доставил к нам тяжелораненую ученицу, которую хотел передать нам для дальнейшего обучения в Академии.

– Странная какая-то история с погоней. Кто эта девушка?

Посланец промолчал и оглянулся на стражей, напряжённо застывших у дверей.

Канцлер, поняв его, одним движением пальца создал вокруг них звуконепроницаемую стену – их окутал голубой ореол.

Посланник придвинулся к канцлеру ближе, при этом стража синхронно достала мечи и бластеры и направила их на пришельца. Ва Мир Ин жестом остановил их и сделал знак нибируанцу.

Тот вздохнул и неожиданно спросил:

– Вы что-нибудь слышали о пророчестве?

Канцлер завис. Он попытался напрячь всю свою умственную память, но там были только заседания, советы, дебаты, подписи – картина его бюрократизма. В далёких уголках памяти внезапно вспыхнуло воспоминание: как Лидер ругался с ним по поводу «белых линий» – и резко всплыла фраза, брошенная юношей ему на прощание: «Все помешались на этом пророчестве! Все думают, что она Избранная! Но она просто человек с травмами из детства, ей это бремя не под

силу, как и было и мне… когда-то. Я помогу ей, пусть даже за это придётся отдать жизнь. Слишком многое мы потеряли и принесли в жертву, но её я не отдам вам на заклание, как мою мать!»

Ва Мир Ин вздрогнул. Какими же пророческими словами оказались теперь брошенные в пылу гнева и горя фразы Лидера Снайдера.

– Да, – наконец-то произнёс слово канцлер. – Все думают, что она Избранная. Да только девушка тоже страдает, как будто кома Лидера медленно, но верно забирает у неё желание жить.

– У неё стокгольмский синдром?

– Нет-нет, этого точно нет в анамнезе. Здесь что-то другое, недоступное нам и лежащее в другой плоскости бытия нашего мира.

Ва Мир Ин нахмурился, и глубокая складка залегла между глаз.

Неожиданно запищал передатчик сигнала у него на столе. Канцлер машинально нажал на кнопку приёма.

Перед ними возникла голограмма молодого человека в форме главнокомандующего Коллективным войском Конфедерации.

– Ваше высокопревосходительство, – он отдал честь. Канцлер кивнул в ответ, разрешая продолжать. – На Тейноне замечено движение войск короля Валтасара-Рогволода и местного князя против другого княжества. По нашим дан-

ным, там намечается жестокая битва.

– Они не вступали в переговоры?

– Враждующие стороны? Нет.

– По поводу чего у них конфликт?

– Из-за кронпринцессы Рогнеды. Только она сбежала с Интона и вернулась на Тейнон, резко активировав своим возвращением битву. До этого надеялись, что конфликт исчерпан.

– Лакомый кусочек эта принцесса, – проворчал канцлер. – Немедленно выслать силы особого реагирования на Тейнон. Выполняйте приказ.

– Есть!

Голограмма исчезла.

– Нам не нужны стычки на планетах, когда у нас весьма неспокойный сосед – Империя! Мало того что нас пытались спровоцировать, так теперь и это! – произнёс жёстко Ва Мир Ин нибируанцу. – Сами понимаете, нам теперь не до визита на Нибиру. Может, вам нужна помощь нашего медцентра?

– Благодарю вас. Мы сами справляемся.

– Докладывайте лично мне о его состоянии. Прощайте.

– Прощайте!

Нибируанец поклонился и покинул апартаменты канцлера Конфедерации.

* * *

В тёмном влажном лесу слышались одномерное цоканье копыт сотен тысяч лошадей, тихий гул голосов и лязг оружия. Войско короля Валтасара-Рогволода, соединившись на рассвете с войском князя Владимира, двинулось дальше на огромную равнину – на Червлёные поля, которые раскинулись до самых гор, где находилась святыня планеты.

Воздух был пропитан тревогой.

Кони мерно скакали, оружие лязгало, а в воздухе медленно разгоняло туман искусственное солнце планеты.

Наконец ровные шеренги конниц противников выстроились на противоположных концах равнины. Соперники прекрасно видели друг друга на освещённой равнине.

Ярополк с надменным выражением лица что-то коротко раздавал своим военачальникам, которые поскакали по разные стороны его войска, салютуя конницам.

Валтасар-Рогволод и Владимир стояли бок о бок, и их верная дружина громко выкрикивала боевой клич, и войско сзади них гудело как потревоженный улей.

В воздухе витали хищные птицы, ожидая богатый пир.

Не сговариваясь, конницы синхронно кинулись в бой. Миг – и всё смешалось: крики, звон оружия, на котором плясали лучи солнца.

Владимир восседал на вороном коне позади, наблюдая за

битвой с высокого холма. В прибор он прекрасно видел брата, стоявшего на противоположной стороне и в упор смотревшего на него.

Губы их одновременно сжались.

Князь увидел, как Ярополк смеясь что-то сказал стоявшим позади него военачальникам, показав на него пальцем, и все дружно рассмеялись.

Гнев огнём охватил душу Владимира. Он понял, что сказал брат: «Трус».

Вздёрнув поводья коня, он рывком направил его в гущу битвы, мельком увидев, как Ярополк вскочил на коня и бросился навстречу ему через океан бьющихся воинов.

Он не услышал, как ему вслед закричал отчаянно король Тейнона:

– Владимир! Остановись!

Конь бешено мчал его через поле битвы. По пути он сбивал клинком противников, следовавшие за ним его телохранители прикрывали своего князя.

В поле его зрения оказался молодой парнишка, согнувшийся под тяжестью доспехов и сильно отставший от товарищей. К нему уже бежал, заприметив лёгкую добычу, один из воинов князя Ярополка. В прорезях шлема сверкал свирепый взгляд. Владимир развернул коня и резким ударом сшиб противника, поскакал дальше, уловив краем уха возглас: «Благодарю, княже!»

Мимо уха просвистела стрела: он увидел Ярополка, це-

лившегося из лука своего лучника. Владимир вытащил кинжал из-за пояса и метнул в брата. Оружие попало в левую руку. Грязно выругавшись, брат выронил лук, спешился с коня и направился к нему, вытаскивая меч. Владимир притормозил и легко соскочил с коня. Доспехи брякнули утробно, словно предвещали ему смерть.

* * *

Отверженный открыл глаза от холодного прикосновения металла к шее.

Перед ним стоял, склонившись, робот-помощник Скрепка.

– Капитан, вы целы?

Тот мог лишь кивнуть.

И тут обратил внимание на тишину и тьму за бортом. Он нервно огляделся.

– Скрепка, что происходит?

– Капитан, мы потеряли управление кораблём, нас засосало в аномалию и… кажется, мы в другом месте.

Отверженный взглянул на радар. Он был чист. Никаких истребителей Империи. Никаких сигналов. Лишь тишина.

– Где мы, Скрепка?

– Я не знаю, капитан. Но это место… оно не похоже ни на что, что я когда-либо видел. Я предполагаю, что мы оказались около голой сингулярности, и это прошлое.

– Вот чёрт! – выругался мужчина, поднимаясь.

Впереди сквозь тьму начали проступать очертания: огромные причудливые структуры, словно выросшие из самой пустоты. Они не были похожи ни на планеты, ни на станции, ни на что, что Отверженный когда-либо встречал в своей жизни.

– Что это, Скрепка? – прошептал он, вцепившись в робота.

Тот посмотрел на него испуганными железными глазами.

– Я не знаю, капитан. Это незнакомая мне форма жизни или… планета.

– Чёрт побери… – снова выругался Отверженный. – Ты не пробовал им посылать сигнал бедствия?

– Нет, капитан. Я пытался привести вас в чувство для дальнейших инструкций. Такие внештатные ситуации не вписаны в мой протокол.

– Что ж… теперь придётся вписать. Посылай сигнал.

Робот бодро забегал металлическими пальцами по приборной панели и отправил сигнал.

Наступила звенящая давящая тишина.

Непонятное ничто, состоящее из огромных причудливых тёмных структур, сотканных из самой тьмы, становилось всё больше и больше…

Светлана Браун

Родилась в городе Барнауле, столице неповторимого по красоте природы Алтая.

Выпускница математического факультета АлтГТУ. По образованию – программист, по призванию – блистательный, неподражаемый поэт. Её творчество – это откровенный разговор по душам, глубокие переживания и раздумья о жизни, полные философских размышлений, где в каждой строке – драгоценный смысл, который попадает точно в сердце своего читателя.

Невероятная музыкальность, филологический дар, об-

разность – всё это присуще творчеству Светланы. Тепло, свет, лиричность, воздушно-невесомый кружевной слог делают его узнаваемым и притягивающим к себе. Её поэзия дышит тихой грустью и светлой надеждой, как осенний сад, где листья шепчут о прошлом, а корни хранят тепло.

Умение превращать мгновения в вечность выпадает не каждому…

С любовью к России

Я воспою и сердцем, и словами
Мою любовь, что свято берегу,
К России с её дерзкими ветрами,
Морозным хмелем, соснами в снегу!

К её полям, что без конца и края,
К её лесам и грациям берёз,
Чьи ветви солнце вешнее вплетают
В зелёный шёлк распущенных волос…

Люблю смотреть, как шалый вихрь с разбега
Вздымает стаи огненной листвы,
И ощущать пленительную негу,
И видеть даль… в осколках синевы…

Памяти поэта

Вдохновителями С. Есенина были только Россия, простой народ, русский язык да его собственное – видящее, слышащее, осязающее сердце и вечно бессонная мысль. Он неповторим…

Есенин в моём сердце – словно данность,
Подарок свыше… Безыскусственный, живой.
Что божьей милостью крини́цей[8] ключевой
Вливается в меня так первозданно
Осенней акварелью, солнцем вешним,
Дыханьем ветра и капелями дождей,
Слезою горькой терпеливых матерей,
Любовью к родине – и страстной, и безгрешной…

Отзвенело, отцвело…

Откружили вешние метели,
Унесли садов зелёный дым.
Пролетели годы-свиристели,
Прокатились вихрем золотым…

[8] Криница – источник ключевой воды, родник.

Отзвенело, отцвело, и осень
Ворожит листвою и дождём.
День затих. Покоя сердце просит,
И тепло мне думать о былом…

Не вернуть утраченную юность,
И тоскует ветер-пономáрь[9].
Но светло до боли в эту лунность,
И весны ушедшей мне не жаль…

В жёлтых лентах, в платьице неброском
До утра мне душу бередит
За окном красавица-берёзка
Нежным шёлком девичьих ланит.

И роса целительной слезою
С тонкой ветви в руки упадёт.
Ночь прошла, и с новою зарёю
Новый день к заýтрене[10] зовёт…

И всякий миг – находка!

[9] Пономарь (алтарник) – низший церковный служитель в православной церкви. Основная его обязанность – прислуживать при богослужении, звонить в колокола, петь на клиросе.

[10] Заутреня – простонародное название утрени, ежедневного богослужения, которое по уставу и по смыслу действительно является утренним.

О, плавность лета!.. Спелая округлость
Румяной плотью нежится на ветке,
Позлащена густым смолистым солнцем.
Извлечены из бледности квартирной,
Краснеют пылко лепестки герани,
Влекомой статью крепких георгинов.

Ещё дожди – приятны и желанны,
Танцуют в лужах с лёгким нетерпеньем
И на цветах блаженно отдыхают.
Все в жемчугах, торжественные снегом,
В глубокий сад гортензии вплывают,
Едва касаясь влажного паркета.

И ни о чём печалиться не надо:
Беспечный день июлем поцелован.
Ничто пока не предвещает скуки.
Но всё и вся не чуждо перемены:
Веселье свадеб сменится покоем,
Вернутся в ульи золотые пчёлы.

Вовек сохранны в памяти крылатой
Улыбки лета, шумные забавы…
И да пребудет радость невредима,
Ведь в мирозданье всякий миг – находка!
У вечных истин не найти изъяна, —
Себе в подарок выпрошу и осень,

Где вся земля, весь мир – мои родные!

Я говорю с последними цветами
И собираю в тёплые букеты…
Душа моя – не скряжница скупая.
Кто любит жизнь, тот в той любви огромен!
Что не скажу, то пропою стихами…

Поют осенние цветы…

С утра свежо, хотя часы
Ещё не возвестили осень.
Скромней пассаж многоголосий,
Крупней жемчужины росы.
Прохлады верный поводырь —
Туман над медленной водою, —
Обнявшись с сонной тишиною,
Дрейфует вдаль, и вглубь, и вширь.
Едва в прозрачный полусвет
Прольётся солнечная ге́мма[11] —
Насущный день, теней преемник,
Рассыплет сочный семицвет.
Вдаль ускользающий июль
Ещё выводит арабе́ски[12]

---

[11] Гемма (*лат.* gemmeus – сверкающий, блистающий, украшенный) – звезда, драгоценный камень.

[12] Арабеска (*итал.* arabesco, *фр.* arabesque – арабский) – многозначный термин, обозначающий как сложный восточный орнамент, состоящий из причудливого переплетения линий, завитков, растительных побегов и

И правит бал в атласном блеске…
Но август вежливо кивнул,
Его гонцы неторопливы:
Миролюбивые мотивы —
Блаженной зрелости плоды —
Поют осенние цветы…

Время не спешит…

И снова осень, уж в который раз…
Таинственно-родное воскрешенье,
Мечтательно-счастливые мгновенья
В мирских заботах. Скромно. Без прикрас.

Кори́нка[13] тает меж привядших лоз —
Утешное медовое одо́нье[14].
Под тяжестью сутулятся в поклоне
Кусты роскошных тёмно-красных роз.

Румяных яблок зрелые плоды
Кармино́м[15] расплескались на лужайке.

геометрических мотивов, так и пьесы в музыке, позу в классическом балете, а также может встречаться в названиях произведений литературы и кино.

[13] «Коринка русская» – сорт винограда; ягоды мелкие, округлые, золотисто-жёлтые с розоватым румянцем на солнце.

[14] Одонье – остаток, ворох.

[15] Кармин – цвет, соответствующий пигменту кармин, получаемого

Средь чёрных горок вскопанной гряды
Щебечут воробьишки-попрошайки.

В траве присела крепкая айва,
А воздух переполнен терпкой хвоей.
Шуршит в деревьях пёстрая листва.
Как обруч, солнце катится сквозное.

Приветный мир… В святилище души
Заветное вершится причащенье.
Часы бегут, но время не спешит:
Осенний свет, покой и обновленье…

Остывающий свет…

Разноцветной осенней листвой
Запорошило тихий наш сад.
Под усталой поникшей лозой
Сиротливые астры грустят.

Тёплый свет остывающих дней,
Миротворная сень вечеров.
Бал таинственных синих теней
И тягучая мягкость ветров.

из карминовой кислоты, выделяемой женскими особями кактусовой тли, кошенили; багряный, багровый, пурпурный, густо-красный и красно-розовый цвета.

Послевкусье неспешных ночей
Замирает морщинкой у глаз.
Зреет осень печалью дождей.
Это лето уходит от нас…

Отпускаю его, как всегда,
Погрустив за прикрытым окном.
Убегают года, как вода,
За уже непрозрачным стеклом…

Отрадный мир

Наш старый дом… Так мило, так отрадно
Моей душе в святилище безмолвном.
Средь запустенья маленького сада
Брожу бесцельно… Дышится свободно
В благословенной мудростью глубокой
И вечно юной свежестью осенней
Тиши безлюдной – томно-одиноко
Пленяюсь светом нежных откровений,
Что нахожу в земных и тёплых красках.
Подобно ранним утренним туманам
Плыву навстречу тихим поздним ласкам.
И в мире том нет боли и обмана…

Надежда

Задумчивее тёплый вечер,
Спокойнее закатный свет,
И увядающий букет —
Исход весны недолговечной.

Ещё не тронуты зимой
Багрец и блеск листвы осенней.
Поёт печаль – эскорт бессменный —
Дуэтом с липой вековой.

И, может, мне всего дороже
Тех поздних роз прохладный шёлк
В надежде, чтобы вновь зацвёл
Весной мой куст в саду пригожем…

Осенний прованс

Калитка, дом, прозрачный сад —
Прова́нс[16] осенней антрепри́зы[17]…

[16] Прованс – историческая область на юго-востоке Франции, известная своими лавандовыми полями, виноградниками, сочными пейзажами и солнечным климатом; стиль в интерьере, одежде и пр., названный в честь французского региона, характеризующийся пасторальной простотой,

Вода по стареньким карнизам
Скользит на бурый виноград…
Немного красного вина
Заря на стёкла расплескала
И потихоньку угасала
Под скрип ворчливого окна…
Бордо глубокое до дна
Проникло в маленькое царство.
Каким изысканным лекарством
Пред сном земля напоена!..

…Опустошён, спокоен сад.
Забытый коврик у порога…
Утихла давняя тревога,
В душе – размеренный уклад…

Неторопливый парадиз…

Что эта крошка, что упала на карниз?
Всего лишь лист – осеннее прочтенье
Невнятных слов, шифрованных сомнений —

натуральными материалами, приглушёнными цветами и лёгкой атмосферой; вдохновлённый южно-французской деревней, этот стиль воссоздаёт атмосферу старых провинциальных домов с их пасторальным шармом.

[17] Антреприза – частное театральное предприятие или постановка; ключевые особенности антрепризы – приглашение актёров из разных театров для конкретного спектакля, а не наличие постоянной труппы.

Без громких фраз, без слёз, без исступлений —
Неторопливый безусловный парадиз[18]…

Сбежавший август бездыханностью листа
Сырой сентябрь неспешно приправляет,
Власть суеты, условностей сменяют
Лад и покой… Стихами прорастаю
В твоих владениях в заветные места…

И сердцем в сердце новоселье сентября
Мне возвестить легко, любимой всеми!
Полёт руки в волнующем тандеме
С твоей рукой под тихий всплеск ступеней,
Плывущих в сад по тёплым волнам янтаря…

Осенний консонанс

Осенний консона́нс[19]: уютный мягкий плед
И кофе с кюрасо́[20]… Распевные дожди…
Вальсируют листы неспешный менуэт.
Мятежный непокой и трепет – позади…

---

[18] Парадиз (*фр.* paradis) – рай, райское место, красивый сад.

[19] Консонанс (*фр.* consonance) – гармония, покой, уют.

[20] Кюрасо – ароматный ликёр, вырабатываемый из винного спирта с добавлением высушенной апельсиновой корки, мускатного ореха, гвоздики и корицы.

Бесхитростный мотив лелеет слух и взгляд,
И вольно-хорошо натруженной душе;
Живительной воды прохладный аромат
Струит в прозрачный сад воздушные туше́[21]…

Ни слова о любви!.. Мне хочется постичь
Всю благостность её без шта́бельных[22] клише
И исчерпать до дна закатные лучи…
До тёплых сладких слёз… с горчинкой бланманже́[23]…

Ступаю по осени…

Неспешно ступаю по осени,
Что ластится кошкой у ног.
По листьям берёзовой просеки
Разлит апельсиновый сок.
Меж веток неровною строчкою
Петляет растерянно луч.
Багряной вскипел оторочкою
Рассвет средь тоскующих туч.

И кроткой смиренною странницей

---

[21] Туше (*фр.* toucher) – манера прикосновения.

[22] Штабельный – привычный, свойский.

[23] Бланманже (*фр.* blancmanger) – желированное сладкое блюдо с шоколадной горчинкой; готовится из миндального или коровьего молока.

Беседует с Богом душа.
Как неба извечная да́нница[24]
К чертогу бредёт не спеша…

Предвестником зимней бесстрастности
Мне слышится плач журавлей.
Застыла в немой безучастности
Колючая пустошь полей.
Восторженность дерзкой красавицы
Сменяет прохладная тишь.
И ветру покорно склоняется
Уставший от жизни камыш.

И кроткой смиренною странницей
Беседует с Богом душа.
Как неба извечная да́нница
К чертогу бредёт не спеша…

Незваный гость

А я всё та же: медленно ступаю
По октябрю с задумчивой улыбкой…
Текут понуро мокрые трамваи,
Двумя зрачками све́рлят воздух хлипкий.
Ворчит пространство: между «до и после»,

[24] Данница (*ист.*, от «дань, да́нник») – тот, кто платит дань.

Как тать, прокралась пасмурная осень.
Незваный гость невзгодицей подослан
И оттого – обу́зен и несносен!
Но мне по се́рдцу – экая в том странность! —
Томиться грустью, грусть означить словом,
Благословлять небес непостоянность
И возрождаться в песне словом новым…

Разгуляй

Вьются хлопья октябрьских белил,
Хмурой мглою слезятся туманы.
Изможднно-сухие, без сил,
Травы никнут к земле покаянно.
Всюду рябь, всюду хлябь, всюду снег,
Ветер о́паль[25] по улицам кружит.
По воде, меж безжизненных лех[26],
Бродит ворон с тоскою досужей.

За заплаканной створкой окна
Топчет дождик холсты горизонта,
Поит город свинцом допьяна,
Рвётся с шумом в пустые ротонды[27].

---

[25] Опаль – облетевшая листва, опад.

[26] Леха – гряда, ряд, полоса, порядок.

[27] Ротонда – беседка.

Сутки сплошь – разгуля́й[28] октября!
Лишь к утру дикий вепрь обессилел.
И чем свет – нараспашку заря,
Будто маками небо расшили.

Отступила былая хандра,
Край земли синевой оторочен.
Звонкий ветер влетел со двора
Бубенцами в уныние строчек…

Ты шепчешь мне…

На старый лад густые кроны пожелтели,
Багряным краскам царской щедрости не счесть.
Октябрь хандрит, смывая о́хру[29] с акварелей,
И нам с тобой его дождей не перечесть…
Ещё саднит… хотя пожар уже в минувшем.
И меж ресниц дрожит нежданная слеза…
Стекает вечер неприкаянно-досужий
Под шелест стрелок на безустальных часах…

Осенний снег к ночи уже растаял.
Церковный звон переплывает тишину…
Ты шепчешь мне: «Прости, прости, родная!»,

[28] Разгуляй – разгул стихий, свобода действий, хаос; шумное гулянье.

[29] Охра – природный пигмент; цвет – от светло-жёлтого до тёмно-красного.

А я в немом молчании тону…

Лиловый свет прилёг на бледный подоконник,
Часы вот-вот бесстрастно полночь возвестят.
В изломе губ утайка горестных ироний,
Тоски коварный, утончённо-сладкий яд.
Минор осенний мокрой кистью расписался,
И мы плутаем в мутных сумерках обид.
Пусть первый снег таким недолгим оказался, —
Вернётся вновь и радость к жизни воскресит…

Меж нами снег к утру, как сон, растаял.
Глубокий вздох переплывает тишину…
Ты шепчешь мне: «Прости, прости, родная!»,
И я в слезах непрошеных тону…

Так хочется пить!

Этот дождь за окном – божья па́жить[30] высокой печали.
Нотной вязью по стёклам расплескался нестройный мотив.
Но alfrésco[31] с дождём!.. В ароматах осенней суса́ли[32]

[30] Божья пажить (*устар.*) – нива, плодородная земля, находящаяся под Божьим покровительством; источник насыщения и благополучия, пасторальный образ природной красоты, милость Божия и всякое благо.

[31] Alfresco (*англ.*) – на свежем воздухе, под открытым небом.

[32] Сусаль (сусальное золото) – тончайшие листы золота, серебра, олова или

Распускаются страсти, прорастая в безумный порыв!
Притеснитель стихий в убывающем медленно свете —
Тот подрамник – тиски, что сужают закат до «предночь».
Мы покинем пустой бездыханный уют междометий
И, сплетясь, словно ветви, – бездорожьем в манящее «прочь»…
Пусть повиснут в ночи многоточьем отверстые строки, —
Раболепство пред рифмой – ненасытно, – так хочется пить!..
Влюблены – невпопад, нам не впрок вековые уроки.
Помолчим до рассвета… Возле счастья нельзя говорить…

Предзимье

Дни поздней осени невзрачны…
В них тонет солнце, тают звуки.
Трепещет лес полупрозрачный,
Кропи́т дождём, ворчит от скуки.
Туманы сбились колтунами
По наущенью ведьм стиги́йских[33].
Холмы восходят табунами,

других металлов, используемые для декоративной отделки изделий, имитации позолоты и создания глянцевой поверхности.

[33] Стигийский (*миф.*) – мрачный, тёмный, загробный. От *Стикс* – в древнегреческой мифологии олицетворение первобытного ужаса и мрака, из которых возникли первые живые существа.

Горбатят в ночь колпак фригийский[34].
Ветра беснуются и злятся
В тоннелях городских ловушек
И вдруг… смущённо притаятся
В стенах молитвенных церквушек.
Вздохнул ноябрь. И под сурдинку[35]
Бредёт беспомощная осень…
Ещё живая паутинка
Дрожит испуганно меж сосен.
С опаской платьице взлетает,
Чужую исполняя волю.
Лоскутья ветхие теряет
Кочевник перекати-поле.
Принять наследство непреклонно
Повелевают лёд и холод.
И брызжет снег на изумлённый,
Ещё вчера цветущий город…

Первый снег

Вот и осень стынет на дорогах.
Первый снег ложится на поля.

---

[34] Фригийский колпак (*фр.*) – головной убор древних фригийцев конической формы с загнутой вперёд верхушкой. Колпак послужил образцом для шапочки якобинцев во время Великой французской революции, с тех пор – символ свободы и революции.

[35] Под сурдинку – тайком, втихомолку.

В колыбели шёлковых сугробов
Отдохнёт продрогшая земля.

И в морозной серебристой дымке
Засверкают инеем леса,
Заиграет ветер на волынке,
Вторя грустным птичьим голосам.

Заскрипят раскидистые ели
Под суровым натиском снегов,
И протяжно запоют метели,
Заметая след своих шагов…

Сменит цвет унылая картина,
Обретая жизни новизну.
Золотой сверкающей лавиной
Солнце выльет жемчуг в белизну…

Ноябрь

Осень. Ноябрь расцветает
Снегом за хрупким стеклом.
Утра жемчужные россыпи
Прозрачной сквозят синевой.
Безмолвия строгий покой.
Солнца остывшие просыпи
В цепких ветвях замирают

Скудным прощальным теплом…

В белом подрамнике птицы
Бойко в кормушке снуют.
Ветер густой и задиристый
Нахально звенит о карниз,
И падают, падают вниз
Тонкие льдинки прерывисто.
Капельки солнца – синицы —
Скрасят зимы неуют…

Жизнь так порой сумасбродит!
Времени тает багаж, —
Не удержать ветра вольного,
Полёт непокорной души…
Но сердце терзать не спеши!
Песней неспешной, раздольною
Зимнее солнце восходит, —
Плавный последний вираж…

Осенняя метель

Метель осенняя. Цветы последние
Под снегом скроются, и нет следа.
Не воскресит зима сады весенние.
Полынь кручинится да лебеда.

Дома осунулись. Деревья маются
Под скорбной ношею тугих небес.
Как стаи воронов, ветра слетаются
На шабаш в сумрачный безмолвный лес.
Фонарь упругие качает сумерки.
В ветвях надломленных – игра теней.
В душе измученной до срока умерли
Надежды солнечных беспечных дней.

Мне не найти в стихах приют спасения —
Гортань бескровная теперь пуста.
Томится свет дневной в ночи сомнения.
Откуда солнце пить моим устам?..
Тепло последнее. Цветы осенние
Под снегом скроются, и нет следа.
Не воскресит зима сады весенние,
И стынет на сердце полынь-беда.

Но сердцу помнятся поля безбрежные,
Дороги дальние и яблонь цвет.
Слова неспешные, признанья нежные,
Любимых глаз твоих приветный свет.
Расстаться хочется с осенней лгуньею
И верить искренне, без тайных дум.
Бессонной ноченькой под сенью лунною
Молить о счастии мою звезду.

И скудость бледных дней алмазной осыпью
Метелью набело переписать.

В виньетку долгих зим вплетаясь вёснами,
Румянить красками свою тетрадь.
Печаль осенняя. Листы последние.
Под снегом скроется угрюм-беда.
Вновь расцветут в душе мечты весенние!..
Полынь волнуется да лебеда.

Вновь расцветут в душе мечты весенние!..
Полынь волнуется да лебеда…
Метель осенняя…

Зази́мок

Давно ноябрь… Прилежная зима
Приникла к осени приветным поцелуем,
Вельможным жестом приоткрыла кладовую,
И хлынул свет в сырые терема.
В окно – всё снег… Под утро так чиста
Снегопаденья вековая безмятежность,
Плывёт зази́мок[36] рукоделием неспешным,
Дымится день… Иная суета
Перечит той, что прежде здесь жила:
Теперь небесное рождается искусство.
В летящем платьице, исполненная чувства,

[36] Зазимок – первый снег.

Метель фини́фтью[37] звёздной расцвела…

А нынче – снег…

Всё снег да снег…
Новёхонький, летучий,
Произошёл, струит
Прозрачный силуэт.
Полны дворы
Текучим благозвучьем,
Жемчужно-белый цвет…
Зима – большой эстет.
Вновь сад слепи́т
Слезами слюдяными.
Заплёл резной ажур
Стеклянные кусты.
Как призрачно легки —
В том нет мирской тщеты́ —
Взлетают ввысь
Качели ветровые.
Луна окрест,
Едва прольются а́стры[38],
На чистый холст

---

[37] Финифть – уникальная эмалевая техника, применяемая в ювелирном искусстве, а также изящные художественные изделия, декорированные ею.

[38] Астра (*греч.* ἄστρον) – звезда.

Роняет взор бесстрастный.
Как днём светло в ночи —
Не лжёт моя строка!
Ну, может, чуть темней
И разве что – слегка…

Образ таинства

День парит в огнях мистерии весёлой,
В пышном блеске новогодней мишуры.
У ларьков – столпотворенье снежных ёлок,
Звонкий смех розовощёкой детворы.

Жизнь кипит, и всё спешит, и всё в движенье,
Брызжет снег из-под летящих каблучков,
Нетерпение настойчивых звонков,
Сутки сплошь – переполох, и всё в смятенье!

Снег летит, и чудеса за ним вдогонку
Повседневность наполняют волшебством.
Дышит мятной карамелью торжество,
Терпкой хвоей озорной хохлатой ёлки…

Снег кружит, прозрачный флёр струит на плечи,
На дома, на убелённые сады.
На крылатки почерневшие скворечен
Снег рассыпал свои белые цветы…

Всё в нём – свет, и непорочность, и свобода,
Простота и совершенство… без прикрас,
Образ таинства, доподлинный алмаз!..
Как мудра в своих творениях природа…

Тает сердце, тает…

Снег цветы роняет
В тихие дворы.
Город в переплёте
Снежной мишуры.
Хлопья, как виденье,
С четырёх сторон,
Белых анемо́нов[39]
Вкрадчивый полон.

Тянет снег камко́ю[40]
Низкий небосклон,
Шепчет лепестками
Ветру в унисон.

Зимней акварели

[39] Анемон (ветреница) – многолетнее травянистое растение семейства лютиковых, известное удивительно нежной красотой своих цветов. Название «ветреница» отражает то, что её лепестки легко колышутся на ветру.

[40] Камка – старинная тонкая одноцветная узорчатая ткань с разводами.

Бархатный полёт
Грим с души стирает
Сутки напролёт.

Нет от чувств отбою
Трепетной душе:
Сбились в снежный кипень
В смелом кураже,
Мысли всполошили
Новью перемен
И рванулись в выси
От унылых стен!..

…И в объятьях снега,
Что нежней ланит,
Тает сердце, тает…
И стучит, стучит…

Долгий вечер

На дворе метель шальная
Разгулялась в этот вечер.
И душа, тобой больная,
Слёзы льёт и ищет встречи.

Словно пухом лебединым
Вспенил снег речные глади.

Алым бисером рябины
Зазвенели по ограде.

Лёгкой поступью, неслышно
Ночь крадётся, словно кошка.
И беспомощная вишня
Мёрзнет за слепым окошком.

Ночь и снег… Моей печалью
Переполнен синий вечер.
И под тёплой мягкой шалью
Зябнут худенькие плечи…

Послушай тишину…

В отместку за болтливость прежних строк
До утренней зари и пуст, и нем мой сад.
Сухой этюд влачит усталый слог.
Пред выходом на свет в спокойный снегопад
Что мне сказать?.. Привольный сибс[41] весны,
Мой стих стеснён зимой, и мучим, и гоним.
Ему не процвести – пленённому, без сил, —
Пока побеги хладом смежены.
Что делать мне с истерзанностью рифм?

[41] Сибсы (*англ.* sibs) – в генетике животных и человека потомки одной пары родителей, родные братья и сёстры.

Приестся скоро снедь[42] без вкуса к волшебству.
К чему прохладу лить в пожухлую строфу
И примерять изношенный мотив?..
Коль смолк родник, – он вдосталь пил и пел, —
Послушай тишину и неба, и земли,
Как в ельнике грустят флейтисты-снегири…
Отрадный час и сча́стливый удел.

Выйду утром ранним…

Выйду утром ранним,
Улицы пусты.
Горбятся под снегом
Зябкие кусты.
Манит и тревожит
Пасмурная даль.
В роще над погостом
Сетует февраль.
Горестные вздохи
Спутанных ветвей
В чутком ожиданье
Редкостных гостей[43].

[42] Снедь – пища, еда.

[43] Редкостный гость – грамматически верное и понятное сочетание, означающее человека, который наведывается нечасто. Слово «редкостный» здесь используется в значении «редкий», «нечастый», что полностью соответствует смыслу слова «гость». (*Прим. авт.*)

Виснут дни перка́лью[44]
В чёрных проводах.
Стынет скорбной прядью
Иней на крестах, —
Бренность жизни… хрупкий
Флю́герный[45] декор…
Лишь бессмертен три́зны[46]
Памятный костёр…

Последние аккорды февраля…

Последние аккорды февраля
Ещё слышны, задумчиво-печальны.
И в пенном кружеве пленительной невестой
Легко танцует и вальсирует метель.
И не звенит ещё хрустальная капель,
Нет ярких росчерков на заводи небесной,
Томительно вздыхают тополя,
Темнеет снег, зимы венец прощальный…

---

[44] Перкаль (*фр.* percale – ткань) – ткань, полотно, которое в естественном цвете имеет сероватый или кремовый оттенки из-за неотбелённых нитей; отличается мягкостью, невесомостью и бархатистостью.

[45] Флюгерный – переменчивый, непостоянный, временный.

[46] Тризна – древнеславянский поминальный обряд; в современном русском языке слово «тризна» чаще всего используется в значении «поминки» – собрание родственников и друзей, чтобы почтить память усопшего, вспомнить его добрым словом и помолиться о нём.

Всё в чутком ожидании весны.
Взволнован мир, и грезит вновь природа!
В прозрачном воздухе игривой филигранью
Сплетают ветви серебристый свой узор.
Встречает утро воробьиный звонкий хор
Задорным щебетом и бойкой шумной бранью.
И светом по-весеннему полны
Рассвет и день, как прежде, год от года…

Вновь рушится холодный зимний плен,
Синеет даль, и радует погода.
На солнце нежатся лохматые дворняги,
Лениво глядя на степенных голубей.
И с каждым новым днём становится теплей,
Светлей на сердце у романтика-бродяги.
Настало время добрых перемен!
Вскипает жизнь! Поёт весну природа!

Дыхание весны

За окнами ворчит мороз,
А воздух полнится весенней канителью,
Дыханием тепла и грёз,
И откровений, и безумств шальной метелью…
Февраль скользит по краю крыш,
Слетает вниз, и неизбежно расставанье.

В палитру городских афиш
Жемчужный свет рассыпал иней на прощанье…
И тают от любви снега,
Плывёт на плечи робкий вечер звездопадом.
И Муза смущена слегка,
Стихами нежными мне шепчет что-то рядом…

Первый снег любви

Ты был моей мечтой,
Моею явью,
Весенним цветом
Средь продрогших снежных вьюг,
Волшебной сказкою
В плену горячих рук!..
Вновь сердце светится
Былой печалью…

Бездонный омут глаз,
Твоя улыбка,
И сладок плен ночей
В сплетенье жарких тел.
Кружился робкий снег,
Огонь в камине пел,
И страстью двух сердец
Рыдала скрипка…

Струился свет луны,
Смыкались руки,
Небрежно падал плед,
Свидетель тайных встреч.
Но первый снег любви
Мы не смогли сберечь.
Хрустальный храм разбит,
И плачут звуки…

Ты был моей мечтой,
Моею тайной,
Апрельским утром
В белом танце долгих зим.
Но время тает,
Как прозрачный лёгкий дым,
Как след слезы моей…
Слезы случайной…

Благословение души

На удивление нелепо
Весной грустить по февралю.
Но я зимы античный пе́плум[47]
До слёз восторженных люблю!

[47] Пеплум (*греч.*) – платье, одежда; античный стиль в одежде – ниспадающие одеяния с преобладанием белого и других тёплых цветов и с бесконечным стремлением к совершенству.

Среди пустого небосклона —
Немое вече чистоты,
Величье строгой наготы
В дали безмолвной пантеона[48].
Какое мирное приволье
Склонилось над земной юдолью —
Благословенье для души —
Без тщеты слов, в святой тиши…

Ноктюрн в апреле

Весны таинственную силу
Не победить, не превозмочь.
Под шёпот звёзд колдует ночь:
Блаженной нежностью накрыла,
Волнует откровеньем снов,
Течёт под лунные ресницы,
Качает дальние зарницы,
Спускаясь с лёгких облаков.

Апрель задумчиво играет
Без суеты ноктюрн весне.
А полночь плещется в вине
И пламенем в бокале тает,

[48] Пантеон – «всебожественный», относящийся ко всем богам или связанный с ними; святилище, храм всех богов; небесный купол.

Роняя слёзы в глубину
Лучом встревоженного сада.
…А утром звонкая прохлада
Сменяет ночи тишину…

Весенняя мелодия

Волшебная мелодия весны
Приводит мир в желанное волненье.
Играя вальс на веточках сосны,
В каком-то неземном самозабвенье
Она легко и царственно парит
Над волнами прозрачного тумана.
Едва касаясь утренней зари,
Спускается в цветущие поляны.
И солнце яркой россыпью монет
Ложится на берёзовые пряди.
Стыдливый нежно-розовый рассвет
Испачкался в сиреневой помаде.
И шёлк напевных ласковых дождей
Вплетает нить серебряного цвета
В зелёный дым кудрявых тополей.
И полнится душа теплом и светом…
Весёлая мелодия весны
Приводит нас в счастливое волненье,
Танцует вальс на веточках сосны
И дарит вновь любовь и вдохновенье!

Майский вечер

Незаметно на город опускается вечер.
В бледно-розовой дымке утопает закат.
Обнимая деревьев грациозные плечи,
В тёплом воздухе тает травяной аромат.
Распускаются звёзды. Серебристые тени
Подражают сплетенью шаловливых ветвей.
И набухшие почки изумрудной сирени
Разрываются снежным водопадом кистей…

Лето шепчется со мной…

Минувших дней покой осенний
Растаял, словно лёд весенний,
В листве прозрачной вновь плывёт медвяный цвет,
И глубиной манит рассвет…
Кудрявый снег кружит и вьётся,
Волною лёгкою взметнётся
И нежным запахом прольётся в лунный сад
Под песнь негромкую дриа́д[49].

[49] Дриады – лесные нимфы из древнегреческой мифологии, которые являются покровительницами деревьев, обитательницы лесов и рощ.

Истомы благостной свирелью
И соловьиной сладкой трелью
Поёт под звёздами серебряный ручей,
Вершится таинство ночей…
Вчера – лишь сон, дыханье ветра,
Что тронет память тихим ретро,
А день сегодняшний волнует новизной,
И лето шепчется со мной…

Дождь в июле

Лунный свет скользит по платьицу на стуле,
По нетронутой бесстрастной простыне.
Долгим эхом беззаботного июля
Звук шагов твоих крадётся в тишине.

Тёплый ветер расплескал вино в бокале,
За распахнутым окном вздыхает ночь…
Счастье мы не сберегли, не обласкали,
И любовь уже не сможет нам помочь.

Летний дождь стаккато бьёт по сонным лужам,
Беспричинное веселье не унять.
Он влюблён в себя, ему никто не нужен,
И дождю больного сердца не понять…

Лунный свет скользит по платьицу на стуле,
По нетронутой бесстрастной простыне.
Долгим эхом беззаботного июля
Звук шагов твоих мне слышен в тишине…

Август

Август тёплыми красками пишет,
Акварель освещая в вине.
Ночью звёзды вселенную слышат
И с тобой говорят обо мне.

Не совпали пространства меж нами,
Мне твоей не коснуться руки.
Словно хрупкая жизнь оригами —
Краток век обмелевшей реки…

Между нами – безмолвная вечность,
Горьких сумерек траурный свет.
Осеняю крестом бесконечность
И в молитвах встречаю рассвет.

Синий шёлк купола обнимает,
Ветви тают в густой глубине.
И молитвы душа поверяет
Безответной святой тишине…

Август тёплыми красками пишет,
Акварель освещая в вине.
Ночью звёзды Вселенную слышат
И с тобой говорят обо мне…

Обитель вечности

Светло и кротко в августовской вышине.
Под тёплым солнцем тает первая седми́ца[50].
Невольных слёз жизнь перед смертью не стыдится.
Обитель вечности в смиренной глубине.
Лишь шёпот листьев в непробудной тишине…

Они ушли… А я стою… Как постарел
В потоке лет лощёный мрамор бессердечный!
А солнце брызжет на заброшенный скворечник…
И он в свой срок осиротел и опустел.
Следы страданий на берёзовой коре…

Букетик скромный из застенчивых цветов
Своим дыханьем хладный камень обогреет.
А небо льёт теплынь и синь в густые ели,
И слышит вечность повесть сердца моего…

[50] Седмица – устаревшее название недели, то есть периода в семь дней.

Путь-дороженька

Солнечное лето ненароком
Продлевают тёплые дожди…
Горько расставание до срока:
Выцвел день, и осень впереди…
Сумерки смиренно вяжут тени
В непростой, причудливый узор.
Шаль скользит небрежно на колени.
Ночь вступает в чуткий свой дозор.

Сколько на душе воспоминаний!
Лист неслышно в воздухе кружит.
Слышатся слова твоих признаний,
Словно ветер встречу ворожит…

В лужах тёмных вздрагивают звёзды.
Не согреться сердцу у свечи.
А вокруг посвистывают клёсты,
Память откликается в ночи.
Шелестят страницы прошлой жизни,
Не сложившейся в моей судьбе.
Проплывают вереницей мысли —
Ищут путь-дороженьку к тебе…

Сколько на душе воспоминаний!
Лист кленовый вальсово кружит.

Слышатся слова твоих признаний,
Словно тайно ветер ворожит…

Мне бы стать осеннею прохладой,
Обернуть в шелка тумана боль!
И под лепестками звездопада
Встретиться с тобою, как Ассоль.
Но не выпросить тебя у Бога —
Неподъёмный сердцу тяжкий груз…
Долгая у памяти дорога,
И у счастья – терпкий, горький вкус…

Берега, берега…

Берега, берега…
Шёпот тёплой волны.
И запутался ветер в тонких косах ракит.
Берега, берега…
Думы тайной полны.
И рассвет алым маком над водою парит…

Синева, синева…
Над притихшей рекою
Вьётся лёгкий туман и роняет росу.
Синева, синева…
Ею плечи укрою,
И венок из листвы я тебе принесу…

Всё пройдёт…

Словно осень, лишаюсь тепла,
Разлучаюсь с расплавленным летом.
Умирающий вечер дотла
Догорает лавандовым цветом…
Я былой не найду красоты:
Злые силы рассвет обступили,
В вязкий сумрак густой темноты
Благодатный огонь заточили…
Сколько было стремления ввысь,
Сколько неба в парении вольном!
Распахнуть тайну звёздных кулис
И земным любоваться раздольем
Так мечталось!.. Наотмашь любить,
Распускаться с весенним расцветом,
Сострадать и прощать, и простить,
Не внимая досужим советам!..
Восхожу на ристалище лжи —
В ней «грядущесть» воспетая тает…
Как птенца, вороньё-миражи
Безутешное сердце терзают…
Как смогу эту жгучую боль
Отрезвить в животворном истоке?..
…Как и прежде – ждёт принца Ассоль,
Солнце также встаёт на востоке…

Жизнь отрицает тусклый цвет!

Порой так горько, но лучи
Любовь протягивает к свету.
Её призывные приветы
Дрожат в изломанной ночи.
Но, мимо проходя молчком,
Отравой души наполняя,
Задворками обид блуждаем,
Вгрызаясь в лунный окоём[51].
Усталых дум полночный плен
Подушки смятые терзает.
Безмолвный крик бессильно тает
В объятиях разве́рстых[52] стен…

В далёком зябком январе
Живой родник мы отыскали,
И рифмы лёгкие слетались
На грудь распахнутой заре.
А нынче томно-тяжело
Вздыхают шорохи и тени.
Как стебельки, тонки́ колени,

---

[51] Окоём – устаревшее или поэтическое слово, обозначающее пространство, которое можно охватить взглядом, то есть горизонт или кругозор.

[52] Разверстый (*книжн.*) – раскрытый, разверзшийся.

Повисло веткою крыло.
И в пересверкиваньи слов
Былая нежность затерялась,
И до утра без сна металось
Перо меж за́метью[53] стихов…
И Муза гордая ушла —
Немилой, скорбной, босоногой —
Вдаль недописанной дорогой,
Без сил, без жизни, без тепла…

Навстречу солнцу отвори
Тоской измученные ве́жды[54],
Отринь промёрзшие одежды
И в горсти ягод набери,
И расплети тоски сюжет!
С рассветом брызнувшей рябиной
Впиши в строфу восторг наивный —
Жизнь отрицает тусклый цвет!..
До дивных слёз – вблизи, вдали —
Люби возвышенной любовью!
И плачь, и смейся с этой новью —
Мы с болью радость обрели…

[53] Заметь – метель, позёмка.

[54] Вежды (*поэт.*) – веки.

Случилось!

Случилось всё. Нежданно, вдруг.
Печали и тоски незрячей
Разорван круг земным, горячим,
Родным прикосновеньем рук…
В хрусталь прозрачного окна
Со звоном бьётся снежный улей,
И льётся ночь… Грустит на стуле
Одежд небрежная волна…
И горький ладан хризантем
Венчает страсти обертóном[55].
И горний[56] свет, как над амвоном[57],
И неба звёздного Эдем…
Ты помнишь этот синий снег?..
…С зимой пришла пора прощаться,
Но вновь и вновь с весной встречаться
С тобой мне суждено навек…

---

[55] Обертон – дополнительный, более высокий звук (призвук), который звучит вместе с основным тоном любого музыкального звука.

[56] Горний – сходящий с вышины, с небес, божественный, возвышенный.

[57] Амвон – на языке древних греков (ἀναβαινω – восхожу) означало возвышенное место и восхождение на высоту – вершину горы; возвышенный, полукруглый и выдвинутый внутрь храма выступ в середине солеи напротив Царских врат.

Свет моей любви

Вернее верного
Любовь твоя,
Из солнца вешнего
Твои слова.
Весна безбрежная
И синева…
Душа твоя
Светлее прежнего.

Светлее прежнего
Твоя печаль,
И шёпот губ
Неумолкающий,
И кружева
Вновь оживающих
Ветвей,
И плен твоих речей…

Слов негромких волшебство

Волнуют искренность, и нежность,
И слов негромких волшебство,
И чувства утренняя свежесть,

Улыбки милой естество.
Февраль за окнами роняет
В погасший сумрак лунный цвет.
Осенней лаской исцеляет
Любимых глаз весенний свет…

Не видно звёзд. Покой и нега.
В объятьях сини тает ночь.
Плывёт рассвет на крыльях снега,
Печаль и грусть уносит прочь.
Прозрачный снег в окно струится
Пылинкой звёздной – на ладонь.
И любопытные синицы
Стряхнули утреннюю сонь.

Манит зима в свои объятья,
Гардины раздвигает день.
Вчерашний сон сниму как платье,
Отрину выцветшую тень.
И пусть февраль дыханьем хладным
Погасит свечи поутру —
Боль горьких дней, как лист тетрадный,
Из сердца вырву и сотру!..

Давай с тобою помолчим…

Мне с тобой так уютно молчать…

Пьёт морозную свежесть луна.
Ночь присела в проёме окна
В голубой тишине помечтать…
А вчера мы смеялись до слёз,
Подливая в костёр озорства.
Как стрекозы, звенели слова…
Будто с болью на свет прорвалось
То, что сердце сжимало тоской,
Наши души сжигая дотла.
Так продрогли они без тепла…
И текли вдохновенной строкой
Расставанья, и горе, и боль,
И дрожали минорные «па»…
А за стёклами сыплет крупа —
Одиночества горькая соль…
Партитура отчаянья вдруг
Обернулась мелодией слов.
Из глубин омертвевших миров
Слышен робкий живительный стук…
До начинки, до мякоти, в кровь
Разревелась от счастья душа.
Тают льдинки от слёз не спеша.
Льётся в сердце отрадная новь…
Нам с тобой так покойно молчать.
На берёзах грустят кружева.
С первым лучиком солнца слова
Будут тёплой волною ласкать…

Мама, милая мама…

В этот день не по-зимнему рано
Потянулся спросонья рассвет.
С фотографии юная мама
Рассмеялась задорно в ответ.
И отец с белозубой улыбкой,
С волосами, как спелая рожь…
Может, в дату закралась ошибка?!
Только время с лица не сотрёшь…
Но не властно оно над сердцами,
Где глубокий немеркнущий свет,
И лишь стайка морщин под глазами
Мне подскажет правдивый ответ…
И по-прежнему полон любовью
Взгляд доверчивых маминых глаз.
Как и прежде, она к изголовью
Ненароком подсядет подчас,
Тронет волосы нежно рукою,
Колыбельную песню споёт.
Полноводной неспешной рекою
Мамин голос в ночи поплывёт…
И печали поводья отпустят,
И душа возродится от слёз.
Полон светлой целительной грусти
Этот голос… из детства и грёз…

Колыбельная доченьке

День простился с солнышком,
Ночка за окном.
Мальчики и девочки
Спят глубоким сном.
Колыбель качается,
Сон со всех сторон.
Только к милой доченьке
Не приходит он.

Спи, моя любимая, люли-люли-лю.
Ангелочек маленький, баюшки-баю.

Звёздочки рассыпались
В синей вышине,
Освещают спаленки
Тётушке Луне.
Озорная доченька
Не уснёт никак,
А на стенке ходики
Тикают: тик-так.

Спи, моя любимая, люли-люли-лю.
Ангелочек маленький, баюшки-баю.

Разгулялись ноженьки,

Глазоньки горят.
Ручки шаловливые
Маму теребят.
Напевает ласково
Нежный соловей:
«Звёздочка чудесная,
Засыпай скорей!»

Спи, моя любимая, люли-люли-лю.
Ангелочек маленький, баюшки-баю…

Школьное окно

Моей любимой школе № 42 посвящается…

Какими дорогими стали лица
За эти десять долгих школьных лет…
Мне с каждым днём всё чаще школа снится,
Её звонков призывное «привет».

Гуляю в школьном парке вечерами
И вижу в окнах мягкий тёплый свет.
Стоят берёзки стройными рядами,
С любовью тихо машут мне вослед.

Задумчиво по лестничным пролётам
Иду одна, считая этажи.

Во всём видны вниманье и забота!
Сменили вновь цветные витражи,

И стёкла вновь сверкают чистотою,
И двери лаком весело блестят!
Посажены умелою рукою,
Растут цветы… Но мой с грустинкой взгляд…

Дорогу в детство мы не позабудем,
Хотя седыми стали все давно.
В часы невзгод и средь привычных буден
Нам ярко светит школьное окно…

У войны кровавое лицо…

Война – эпоха тотальной бесчеловечности, траурное шествие боли, мытарств, ненависти, неисполненных надежд и обещаний, родник скорби и величия одновременно… Перед глазами порой встаёт чёрная отвесная стена… Убийства, которые истерзали саму жизнь… При одной только мысли о них во мне всё закипает и много дней не может успокоиться сердце…

И как теперь уберечь ни в чём не повинных детей от этого внезапного и страшного падения с границы беззаботного счастливого детства во взрослую, полную военных ужасов и лишений жизнь с её бездонным и безысходным горем?!

И так нестерпимо хочется отстать от этого беспощадного жестокого мира, увлечённого всеобщей безумной игрой, на тысячи и тысячи звёздных дождей!..

И мне в ночном шёпоте немолчной листвы порой отчётливо слышится, будто кто-то неустанно молится за нас и молит отпустить всем грехи во имя долгожданного мира на многострадальной земле…

Как на плацу, чеканит чёткий шаг
И бьётся оземь дождь неугомонный.
И хмурый день от сырости набряк,
И тонут ноги в омуте бездонном.
Чеканит дождь свой мерный чёткий шаг…
Осенний шёлк свистит как хулиган.
В тяжёлых складках мокрая порфи́ра[58]
И, страстью Ва́кха[59] ветер обуян,
Пустился в пляс с беспечностью сати́ра[60].
Осенний шёлк свистит как хулиган…
Шафранный бархат выгорел дотла.
И выцвел день, как ветхая страница.
И небо – бездыханней полотна.
И скуден свет, как бледная черни́ца[61].

---

[58] Порфира – украшенная багрянцем; пурпурного цвета; длинная мантия, одеваемая монархами по торжественным случаям.

[59] Вакх – бог вина и веселья.

[60] Сатир – демон, лесное козлоногое существо с конским хвостом; развратный спутник бога Диониса-Вакха, проводящий всё время в пьянстве и распутстве.

[61] Черница – монахиня.

Шафранный август выгорел дотла!

…Извечный ход, природы существо.
Привычный мир в изменчивости краткой.
Созвучно жизни это естество,
Как свет и тень, как горечь ягод сладких.
Извечный круг, природы существо…

Война и Мир – иная ипоста́сь[62].
Дихотоми́и[63] грубый принцип верен.
Дождём кровавых ягод пролилась
На землю смерть… И срок ей не отмерен.
Война и Мир – иная ипостась…

Планета стонет! Вздыбились поля,
И воздух выпит, и ослепло небо.
Взмывают ввысь с мольбою тополя
И тянут ветви к солнечному Фе́бу[64].
Планета стонет. Мёртвые поля…
Амо́рфный[65] сумрак, как морской песок,
Всё сыплет пеплом, без конца и края…
Кровавый дым уносит на восток
Предте́чи[66] смерти, небо обнимая.

[62] Ипостась – сущность, основание.

[63] Дихотомия – деление понятия на две взаимоисключающие, противоречащие друг другу части, между которыми существует логическое противоречие.

[64] Феб – прозвище бога Солнца, златокудрого Аполлона.

[65] Аморфный – бесформенный, расплывчатый.

[66] Предтеча – предшественник.

Повсюду сумрак, как морской песок…
Крылами ниц распластана юдóль[67],
И взорван мир химерами[68] из стали.
И власяни́цей[69] души жалит боль,
Тела от мук чудовищных устали.
Крылами ниц распластана юдоль…

Войны смертельно-бледное лицо,
Как асфоде́ль[70], над трупами белеет.
Костлявых рук железное кольцо
Свинцовый дождь холодной мерой сеет.
Войны бескровно-бледное лицо…

Война и Мир – святая ипостась!
Дихотомии грубый принцип верен.
Дождём кровавых ягод пролилась
На землю смерть. Но срок и ей отмерен!

…Мне холодно. В озябшей тишине
Застыло время, словно лунный циферблат.
Кричать хочу! В бездонной глубине
Лишь безучастно звёзды бледные молчат.
Как холодно…

---

[67] Юдоль – дольний мир, бренный мир, божий мир.

[68] Химеры – чудовища-мутанты.

[69] Власяница – грубая волосяная одежда (ткань) из козьей шерсти, надеваемая монахами, отшельниками на голое тело.

[70] Асфодель – цветок теней и мёртвых душ, погребальный символ смерти и скорби; ассоциируется с кладбищами и руинами.

Жестокость смертоносная! Доколь
Ты будешь жить и множить зло в пустой груди?
Народный гнев! Страдания и боль
В святой огонь, в источник силы обрати!
Жестокий мир…

И небо зацветёт…

Стальное кольцо войны, бездонные омуты горя, смертельного ужаса и тревоги… По поседевшей истерзанной земле бродят скорбные сумерки и клубы чёрного дыма в тёмных провалах обрушившихся домов…

Но будь благословенна та божественная искра жизни, от которой глубокий беспросветный сумрак внезапно озаряется и вспыхивает поразительным чистым светом лазоревых незабудок!.. И весь мир в этот краткий миг видится совершенно иным, по-новому, будто бы вырванный из войны, из бесконечного подспудного страха, отчаяния и страданий, из времени вообще, – и мы попадаем в приют покоя и мира, и наше сердце начинает биться сильнее…

Праведной слывёт русская душа:
Втýне[71] кулакам волю не даёт,

[71] Втуне – напрасно, зря, бесплодно, бестолково.

С верностью хранит «вересковый мёд»[72];
Искренна, добра, вдóвень[73] – не ханжа.
С ней поют часы, брызжет детский смех,
Солнцем позлащён мирный ясный день.
Дружеский приют, дружеская сень[74] —
Доброе тепло благостно для всех.

Но спокойный свет встряхивает ночь,
Виснет тяжело низкою стрехóй[75];
В тёмной западне с пáгубой[76] глухой
Миром – без войны – справиться невмочь.
Медная луна встала над окном.
Звёздная сурьмá[77] табором кружит.
Нет среди теней солнечных харúт[78] —
Хлопья чёрных туч с ночью заодно.

Алчный зев войны мутный воздух пьёт.
Чад небытия, рубища церквей…
Стонет роковой колокол зыбей,

---

[72] «Вересковый мёд» – шотландская баллада Роберта Стивенсона. Основная идея – воспевание патриотизма. Король Шотландии завоёвывает и истребляет племя пиктов.

[73] Вдовень – совсем, вовсе, в корне.

[74] Сень (*устар.*) – покровительство, защита.

[75] Стреха – свисающий край крыши, её нижняя, выступающая часть.

[76] Пагуба (*устар.*) – беда, невзгода.

[77] Сурьма – полуметалл серебристо-белого цвета с синеватым оттенком.

[78] Хариты (три Грации в античной культуре) – вечно юные прекрасные девы, божества, олицетворяющие молодость, цветение жизни и чистоту.

Волчий след беды холодом ползёт.
Как живая мощь, бьют часы, хрипят.
Зреет на крови лакомая кость.
Мёртвые глаза си́рых птичьих гнёзд.
Сумрак пригвоздил к небу чёрный плат…

Шествие смертей с ночи до зари.
Паперть как ковчег немощных калек.
В горьких складках губ лёг кровавый снег.
Смотрят нагишом окна-пустыри…

Свыше меры мрак, как присохший струп.
Траурной каймой цинния цветёт —
Грустный позуме́нт[79] траурных тенёт[80].
Скорбных панихид мерный тихий звук…

Схватка двух стихий – благости и зла.
До́черна в крови пасти псов цепных:
Сколько ни корми, всё-то голодны!..
Но для правых дел по́лны закрома
Веры и любви в житницах святых:
Сменит бла́говест[81] пенье панихид,

---

[79] Позумент – золотая, серебряная или мишурная (медная, оловянная) тесьма; золототканая лента, повязка, обшивка, оторочка; различные изделия (шнуры, тесьма, бахрома) из кручёной пряжи.

[80] Тенёта – охотничья сеть для ловли зверей и птиц; паучья паутина, а также верёвки или путы, в которых можно запутаться; то, что мешает свободе, угнетает.

[81] Благовест (*церк. – сл.*) – «радостная, благая весть». Это вид православного колокольного звона, который производится мерными ударами в один колокол.

Небо зацветёт меж могильных плит,
Испроси́т Господь тре́бы[82] у живых…

…Осень. На Руси – долгий плач берёз…
Бремя злых годин не избыть наро́зь[83]…

Так маетно живём…

Невзгоды бытия
По милости житейской
Ко мне благоволят
И множат свой приплод.
Роятся надо мной
С улыбкою лакейской,
Галдят, свистят, шипят —
То скопом, то вразброд.
Так маетно живём,
Что чувства износились,
Прогоркли в духоте
Докучливых хлопот.
Наивность детских глаз —
Утраченная милость,

Он возвещает о начале церковной службы, что уже является для верующих радостной, благой вестью.

[82] Треба – это просьба к Богу о здравии или об упокоении близких вам людей, или же вас самих.

[83] Нарозь – розно, отдельно.

Сбежавшая не в срок
От скуки и забот.

Оставляя себя на потом, разрушаем покинутый дом,
Только набело жизнь написать мы уже не успеем.
Никогда, никогда, никогда не затеплится наша звезда,
Если света от тьмы отличить не умеем…

О, мне не привыкать
К насмешливым гримасам:
В исчерченном кругу
Сыщу небесный свет!
Перечить и грубить
Навязчивым проказам
Не стоит и труда —
Всё суета сует…
Сошлись не для того
Перо и свет подлунный,
Чтоб горе горевать
От мелочных утрат —
Фиалковая ночь
В цветении июней
Под россыпью стихов
Прекрасней во сто крат!

Оставляя себя на потом, разрушаем покинутый дом,
Только набело жизнь написать мы уже не успеем.
Никогда, никогда, никогда не затеплится наша звезда,
Если света от тьмы отличить не умеем…

Луна – свежи́м-свежа́.
Фриволите́[84] пионов
Душистою волной
Плывёт в прохладный сад.
Глубокой красоты
Манящим обертоном
Рулады соловья
Томительно звучат…

Беги, беги, моя строфа…

Прикосновенье… Долгий звук, —
Неторопливый, безмятежный, —
И нерастраченную нежность
Я отворю на тайный стук…
Диктант насильный – изорву,
Не счесть бесформенные клочья!
Ниспослан мне в паренье строчек
Грядущий вдох… и вновь живу!
Я не люблю поддельных страз:
В угодьях их темно и тесно,
Средь духоты я не воскресну,

[84] Фриволите (*фр.*) – свободный воздушный стиль, не имеющий строгих ограничений и правил; особая старинная техника ручного плетения лёгкого ажурного кружева; покоряет сердца благодаря своей изящности и возможности создавать прекрасные неповторимые вещи.

Вкусив отраву-парафра́з[85]…
Беги, беги, моя строфа,
От мишуры и канители,
Блаженной праздности в постели,
От приживалки-хвастовства…
Пока не сказаны слова —
Настой души сокрыт от скверны…
В чернильном омуте каве́рны[86]
Дрожит ночная синева…

Целебный лад

Порой для нас тональность тишины —
Целебный лад… Я вышла в смирный сад.
Он нежно плыл ветвями по плечам
И волосам…

Журчала ночь под лаской ветерка.
Пел соловей. Средь спутанных корней
Жемчужной нитью таяла вода.
Цвела звезда…
…Не укоряй в чаду бесплодных мук
И отпусти… Безгрешный лист прости,
Что был обвенчан с горькою строкой

[85] Парафраз – пересказ чужого текста своими словами.
[86] Каверна (*лат.*) – полость, пустота.

Моей рукой…

…А у скамьи – потёртый тусклый цвет…
Чтоб отслужить – ей надобно прожить
Немало лет…

Благословенная пора…

Осень… Она уютно ложится в мою ладонь оторвавшимся медовым листком, пахнущим терпкой цедрой и сладкой корицей… Воздух свежий, душистый, как румяные яблоки в садах. Сентябрьское солнце приветливо сияет на синем высоком небе, по земле бегут тени от волнистых, похожих на сладкую вату облаков…

Всё скуднее, бледнее оттенки зелёного, всё ярче разгорается рыжее пламя, оплавленное в багряную медь. Деревья расцвечиваются такой живописной пестротой, что не верится собственным глазам! Кажется, что листва вдоволь напилась осеннего солнца, а теперь медленно и неохотно его раздаёт. Всё полно мира и отрады…

Как жаль, что нельзя собрать эти дивные хрустальные дни начала осени на серебряную нитку звонкого дождя, словно цветной стеклярус!..

Тягуче разнеженная от остывающего летнего тепла, осень словно утопает в мягких одеждах бархатного шафрана, сотканных из искрящегося корундами пролившегося заката,

тёплой позолоты увядающей листвы и глубоких вечерних сумерек, таинственными лилово-синими тенями упавших меж причудливых стволов полусонных деревьев…

На рассвете по продрогшему за ночь стеклу бодро наперегонки бегут и извиваются струйки холодной воды, – ловлю себя на мысли, что мне неудержимо хочется зачерпнуть в ладони эту сырую свежую утреннюю прохладу…

Воздух влажен и гулок. Вволю напились травы, деревья и земля, уставшие от жары, от тоскливой, надоевшей за лето назойливой душной пыли. Незвучный хор полночных птиц переплывает предрассветную тишину. А к полудню дали опять манят своей светлой прозрачной глубиной с рыжеватыми отсветами в солнечных бликах, дрожат зигзаги разноцветного листопада. Ветер легко подхватывает узорчатые, словно бумажные, листья, играет с ними, то складывая их в затейливый узор, то вновь перемешивая, а они всё сыплются и сыплются с кремовых плеч, падают на последнюю, набрякшую сыростью, уже начавшую покрываться первой ржавчиной траву…

В лесах стоит невозмутимая тишина, нарушаемая лишь перебранкой насмешливых соек да хлопотливых белок, делающих драгоценные запасы на затяжную студёную зиму…

Шуршит и крошится хрупкой карамелью уже высохшее рыжее кружево папоротника. Сосны стоят оранжевые, густые, с северной стороны покрытые седым ползучим мхом. Пряный древесный аромат перемешивается с мшелым за-

пахом вековых сосен и елей, придавая густоту и осязаемость осеннему прохладному воздуху. Среди расплавленного в разноцветной листве сусального золота свисает с веток карминно-сочная рябиновая капель…

Очертания возвышенностей величавы и покойны. Всюду безмятежно дремлют пресыщенные влагой щетинистые скошенные поля, умиротворённо предающиеся заветной мечте.

Благословенная пустынная тишина!..

В самом сердце безмолвного леса под сенью вечнозелёных ветвей и тихого осеннего неба вовсе не чувствуешь себя одиноким, – на душе так легко, так спокойно, словно в мягком уютном гнёздышке. Можно долгими часами сидеть на нагретой полуденным солнцем порыжелой траве, опустив голову в колени, а беспечное время идёт себе и идёт, шумит над головой быстролётными ветрами, разбавленными неторопливыми осенними дождями, медленно сбегает прозрачными струйками воды на жёлтый песок, и совсем не жаль уходящего звонкого лета, и неодолимо тянет дотронуться руками до блёклых, уже вылинявших от жаркого солнца последних цветов. И пусть идёт это неумолимое время…

Перелётные птицы тянутся к югу целыми флотилиями. В погожие дни в лазурном небе весело танцует уже остывающее солнце, а в шёпоте веток слышится светлая печаль и заботливая нежность…

…На осеннем мольберте щедро расцветают неповторимые, бесконечно разнообразные экзотические оттенки и

краски, акварель живописи в брызгах шальной синевы и брусничных рассветов. Это такое праздничное великолепие! Его раз и навсегда не запомнишь, оно всякий раз ошеломляет заново! Осень не перестаёт восторгать, не перестаёт вызывать душевный подъём. От неё исходят целительный покой и мощная энергия созидания одновременно! От осени всегда жду многого – мне хочется без оглядки окунуться в эти ласковые объятия лирического очарования, уйти с головой в этот чистый мир волшебного зодчества и тихого созерцания! Кажется, что ничего подобного и не было на свете ранее, вновь верится, что ещё ничто в твоей жизни не потеряно, а мир – как в далёком детстве – по-прежнему полон прекрасных грёз!..

Игорь Вайсман

Родился в 1954 году. В 1977 году окончил Башкирский государственный университет. Член Союза российских писателей. Пишет прозу, сатиру и публицистику.

Рассказы печатались во многих антологиях современной прозы, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Уфе, Волгограде и других городах РФ.

Автор книг: «Книговорот» (Саратов, 2016), «Постиндустриальная баллада» (Саратов, 2017), «Отдам сердце только королеве!» (Санкт-Петербург, 2024), «В тисках цивилизации» (Волгоград, 2025), «Падение Икара» (Волгоград,

2025), «Светлое будущее» (Волгоград, 2026), трёх аудиокниг и трёх книг публицистики.

Проживает в городе Уфе.

Посещение

Из окна своей сторожки возле шлагбаума я часто любовался вами. Как изящно в начале рабочего дня вы выходите из машины, какими невыразимо прелестными движениями берёте в руки сумочку и пакеты. Как на ходу разговариваете по телефону, при этом так волшебно склонив головку, что всё моё существо замирало. Я прожил жизнь, но и подумать не мог, что самые обычные движения могут так завораживать. А иногда вы прохаживались по территории, и видеть вашу стройную фигурку и неописуемую походку было просто пиром для глаз.

И вот однажды, в самом конце рабочей недели, вы вдруг зашли ко мне. В мою будку. Похоже, это был не сон, потому что с того момента я словно провалился в какое-то иное измерение. Мне с тех пор сложно порою понять, живу я или грежу, и на каком свете всё это происходит.

Вы так стремительно появились, что застигли меня врасплох. Если бы я только знал о таком визите! Я бы выскоблил всю свою сторожку, поставил букет цветов на стол, сам бы начистился, нагладился и надушился. А тут… Я как раз приступил к ужину, разложил на столе свои позорные бан-

ки с едой и даже не успел стряхнуть с себя крошки и вытереть рот. Но вы, казалось, не придали всему этому никакого значения, а только сказали отчётливо и официально: «Приятного аппетита!» После столь же официального: «Добрый вечер!»

Я растерялся, и вид у меня, должно быть, был очень нелепый. Но вам было всё равно.

– Вот эти документы нужно передать курьеру, – произнесли вы твёрдым и уверенным голосом женщины, привыкшей распоряжаться. – Он придёт попозже. Передадите их под подпись. Вы всё поняли?

– О да, конечно! – кажется, так я что-то промямлил, застыв, словно истукан при виде чуда.

Вы протянули мне свои бумаги таким грациозным движением нежной белой руки, что последние остатки моего инстинкта самосохранения испарились, будто роса в лучах солнца. Машинально взяв их, как самую большую драгоценность, я явственно ощутил тепло и трепетный магнетизм вашей руки. Наверное, такие ощущения возникают, когда тебя касается ангел, но ведь ваша рука даже не коснулась моей.

Вы говорили что-то ещё, давали какие-то указания, но я только согласно кивал головой, на время утратив дар речи. Вы были сама строгость, тактичны и безупречны в своей роли руководителя. Вы были образцом делового этикета. Да только не смогли спрятать за этикетом яркую женскую суть. И в ней я такое увидел!.. Целый мир, всю безбрежную Все-

ленную!

Ваши глаза смотрели прямо, уверенно, прожигая меня насквозь. Но как они были прекрасны!.. Взгляд был твёрд, но невероятно глубок. В нём было столько всего… Целая жизнь! Нет, множество жизней! Ваши глаза вместили всю женскую природу в идеальных её проявлениях. Взглядом своим вы словно проверяли меня на прочность. И я не выдержал. Я, кажется, совсем себя потерял.

Вы говорили чётко и деловито, всё только по работе. Но голос ваш, такой чарующий, такой женственный, будто звал совсем в другие дали. Он шёл из самой глубины вашей души. Он дурманил меня, и я бы всю жизнь слушал от вас эти сухие фразы исключительно по работе.

Вы произносили самые обычные слова, но уши мне твердили: «Какая дивная музыка!» А глаза подтверждали: «Какое совершенство линий, форм, движений!»

Эх, как вы были официальны, как уверены в себе! От вас исходила духовная сила и характер, которым не каждый мужчина может похвастаться. Но, боже мой, как вы поставили ножку! Как невзначай элегантно поправили сумочку, висевшую через плечо! А как пленительно кивнули головкой, прощаясь! Всё ваше пребывание в моей будке, каждый мельчайший жест, едва уловимое движение, были само восхищение!.. Наверное, это было сошествие небесной благодати. И я был окончательно сражён.

Вы, разумеется, мной не играли. И уж вовсе не собира-

лись передо мной блеснуть. Зачем вам какой-то немолодой охранник! Просто вели себя так, как привыкли. Просто были сами собой.

– До свидания! Удачных вам выходных! – бросили вы на прощание и быстро удалились своей не поддающейся никакому осмыслению походкой. Тут же, сев в машину, вы уехали, исчезнув с глаз.

Вы ушли и тут же меня забыли. Для вас это был обычный эпизод, один из многих, что случаются за день. А я… Происшедшее вошло в меня неодолимой силой. Вошло, чтоб остаться. Вошло, чтоб этим жил.

Соприкосновение миров

Красота является отпечатком
Космической Правды.
Истина – это свет красоты.
Она принадлежит миру бессмертия.
Пётр Донов

Серёга Бурцев едва успел заскочить в отъезжающую маршрутку. Так, что ему чуть не прищемило ногу закрывающейся дверью. И тут же женщина, занимавшая одно из мест для детей и инвалидов, встала и подошла к водителю рассчитаться за проезд.

«Повезло», – подумал Серёга, бухнувшись на освободившееся место, посмотрел на часы и достал смартфон.

«Никитос, ты как? – громко с пылу с жару гаркнул он в трубку. – Уже подъезжаешь? Молодец, брат! А я пробегал, дел навалилось, сам знаешь, только что сел в автобус. Если чуть опоздаю, ты займи этих парней разговорами. Их нельзя упускать. Когда такой шанс ещё будет? Усёк? Ну, давай, держи хвост пистолетом!»

Сунув мобильник в карман, Серёга, наконец, расслабился, блаженно закрыл глаза и разлёгся на сиденье так, что своими ногами упёрся в чьи-то ноги напротив. «Всё будет в шоколаде! – сказал он самому себе. – Будет и у нас небо в алмазах!»

Сидевшая напротив девушка не стала делать замечание шумному парню, чувствующему себя хозяином в общественном транспорте, а лишь безропотно подобрала свои ноги. Это была на удивление редкая красавица, но её красоту не то чтобы портил, а как-то с ней не сочетался усталый, разочарованный взгляд, от которого невольно вспоминались слова известной песни группы «Наутилус Помпилиус»: «Здесь женщины ищут, но находят лишь старость…»

Бурцев тем временем решил ещё кому-то позвонить, сунул руку в карман, открыл глаза и тут увидел ту, кого заставил потесниться. В тот же миг он словно провалился в иное измерение. Напротив сидело существо из другого мира – девушка невообразимой красоты – и смотрело прямо ему в глаза.

Она так не подходила этому фыркающему, дребезжащему, разбитому пазику, этому грязному полу, этим людям, что

со скучающими пресными лицами ехали по своим будничным делам, радиоприёмнику, орущему какую-то чушь, и ему самому, Серёге Бурцеву, со всеми его мыслями и занятиями. Как она вообще оказалась в этой колымаге, катящейся по асфальту на одном лишь честном слове?

Вспоминая потом об этом, Серёга не смог представить черты её лица, видно, не до того было. Не смог припомнить, и как она была одета. Казалось, в каком-то неземном облачении.

Бурцев застыл в одной позе, словно его целиком сковали гипсом: с вытянутыми ногами, с рукой, полезшей за смартфоном во внутренний карман куртки, да так там и оставшейся, с приоткрытым от изумления ртом. Со стороны это, должно быть, выглядело нелепо. Тем не менее его мысли неслись своим чередом, подчиняясь только им известным правилам. Серёга вдруг ощутил себя каким-то маленьким. Почему-то всё, чем он жил до сих пор, чем ежедневно занимался, чему посвящал отпущенное небесами время, к чему стремился, показалось ему пошлой суетой, мелкой, бездарной, бессмысленной. А истина вот она, перед ним, во всём блеске абсолютного совершенства.

Наверное, некрасиво и неудобно вот так ехать с незнакомой девушкой, сидящей напротив, в метре от тебя, вылупившись на неё, и молчать. Но чтобы это осознать, следовало прийти в себя. А у Серёги не получилось.

Кажется, он проехал свою остановку, куда так стремился.

Но до этого ли ему сейчас было?

А девушка приехала. Она встала, молча протянула водителю мелочь и вышла.

Водитель же оказался не слишком галантен. Он открыл дверь прямо перед грязной лужей, отчего красавице пришлось напрячься, чтобы не запачкать ноги.

Преодолев препятствие, девушка оказалась в грубоватых объятиях поджидавшего её небритого и несвежего кавалера в сильно истёртых джинсах. Тот громко рыгнул и, запинаясь, произнёс:

– Маришка, это ты правильно сделала, что приехала.

Кавалер подхватил её под руку, скорее, не затем, чтобы помочь, а чтоб самому не упасть. Странная пара направилась к ближайшему подъезду обшарпанной девятиэтажки.

Пазик поехал дальше, а над городом стали сгущаться сумерки. Их прочертила и сразу погасла падающая звёздочка. Её слишком яркий свет оказался непонятен и чужд этому тусклому миру. Оттого он и проглотил её.

Мышка в банке

Изжить смертоубийственную природу в человеке
вряд ли когда-нибудь удастся. Но стремиться
к облагораживанию граждан – главная задача

искусства.
Александр Сокуров

Утром по всем этажам бизнес-центра разошлась новость: в понедельник придут травить мышей.

– А зачем? – спросил я у завхоза. – Не лучше ли завести кошку? В природе всё должно быть естественно, а город, как бы мы ни тужились, всё равно от природы не изолируешь.

– Скажешь тоже, – буркнул тот, оценив моё рационализаторское предложение как неудачную шутку. – Арендаторы жалуются. Мышей видели прямо в офисе.

После обеда две очень симпатичные девушки, риелторы, снимавшие офис на первом этаже, молча, с загадочным видом подошли ко мне и поставили на стол прямо перед моим носом стеклянную банку, закрытую изрешечённой дырками крышкой.

– Так это же мышка! – воскликнул я после минутного замешательства. – Где вы её взяли?

– Поймали.

– Поймали?! Сами?!

– Ну да.

– Где?

– В нашем офисе. Уже вторая попадается.

– А вы знаете, что в понедельник здесь будут травить мышей?

– Конечно, знаем! Мы же вызвали эту службу.

– Вы?! Вот так дела!

Мне было странно, что такие очаровательные девушки могли так поступить. Да при этом ещё и проявили заботу о пленнице: не только проделали дырки в крышке, но и накрошили ей еды несколько видов, на выбор! Как можно совместить одно с другим, убей, не пойму! Наверное, это и есть знаменитая женская логика. Хотя тут скорее следует говорить о морали, а не о логике. Но выражения «женская мораль» мне никогда слышать не доводилось.

– Так вы дарите её мне? – поинтересовался я.

– Да, – скромно ответили девушки, лукаво улыбаясь одними глазами.

– Пожалуй, я отнесу её моему коту, – высказал я своё практическое решение.

– Вот и хорошо! – заключили они и ушли.

Я остался наедине с пленницей – маленьким серым комочком, замершим в неподвижности. А поскольку рассматривать мышей с такого близкого расстояния мне до этого не приходилось, стал внимательно её изучать.

Так вот ты какая, мышка, героиня народных сказок и страшилок, коими родители щедро кормят своих детей! Совсем крохотная, симпатичная и несчастная. На героиню сказок ты и впрямь похожа: очень славная. И из такой-то крохи многовековая пропаганда слепила образ врага всего человечества! Но какая вражда может заключаться в этом милом, похожем на игрушку существе? Я готов поспорить на что угодно, у этих созданий и в мыслях никогда не было за-

мышлять что-то против людей. Им вообще незнакомы понятия вражды, злобы и ненависти. Их просто оклеветали, и все поверили в эту клевету. Всё, что мыши делают, – лишь пытаются выжить в этом действительно кошмарном для них мире. Вот они-то в самом деле со всех сторон окружены врагами, которым могут противопоставить только свою плодовитость. Они живут в условиях непрекращающейся войны против них, тотального геноцида. Есть ли на Земле более несчастные существа, учитывая, что они всё-таки достаточно умны, чувствительны, да и детей рожают и вскармливают молоком, как и мы?

Весь вид узницы банки выражал ужас и полную безнадёжность. К еде она даже не думала притрагиваться. Каким же чудовищем должен я ей представляться! Вспомнился Гулливер в стране великанов. Физиономии последних виделись ему ужасными, сплошь изрытыми морщинами и неровностями. Наверное, даже лица молодых красавиц, поймавших несчастную, её глазам представляются совсем не такими нежными и гладкими, какими нахожу их я.

Видя меня сквозь стекло банки, мышка вся сжалась и замерла в какой-то неудобной позе, отставив в сторону одну заднюю лапку и подвернув под себя передние. Видимо, её лапки от этого затекли, но она и не думала принять позу поудобнее. Она была скована ужасом. Ужасом в чистом виде, без малейшей театральности, без дешёвых слёз, криков, упрёков, истерик, как это обычно бывает промеж лю-

дей. Мышка не умоляла меня о пощаде, не вопила истошным криком, а просто молчала в ожидании смерти. Она ни в чём не упрекала меня, не вопрошала: «Ты что, не понимаешь, монстр, что я тоже хочу жить? Что тебе даст моя смерть?» Она просто молча ожидала конца в нелепой позе, словно окаменелое изваяние.

Так каким же чудовищем надо быть, чтобы расправиться с этим крохотным несчастным существом?!

Мне отчётливо представился заключённый, которого вот-вот поведут на казнь. Стало не по себе. Пожалуй, я погорячился, решив отдать её коту. Надо её выпустить. Только куда? Если здесь, то жить ей останется три дня.

Тут я вспомнил, что в соседнем дворе есть помойка, около которой расположена бойлерная – столовая и жилище рядом. И направился туда, бережно неся банку.

По дороге мне попались две дворовые кошки, идущие поужинать к мусорным бакам. Они были грязные и пугливые. В другой раз я покормил бы их, но сейчас они показались мне страшными хищниками, словно я сам стал мышью.

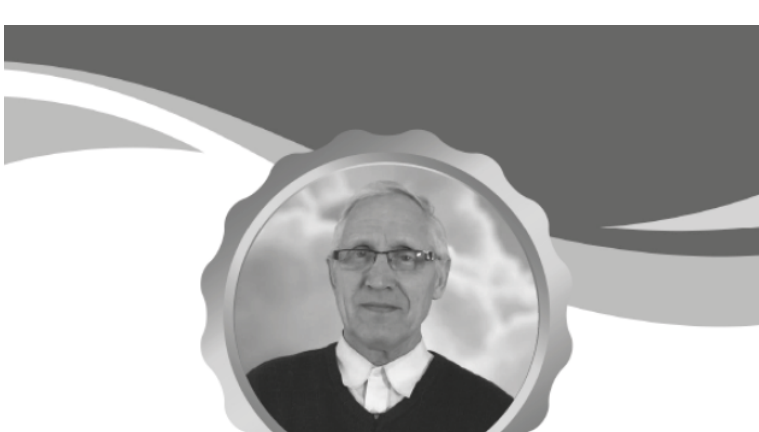
Я отыскал небольшое отверстие в фундаменте бойлерной, снял крышку, и мышка пулей вылетела из банки в открывшееся перед ней убежище.

На душе полегчало. Остался, правда, один неразрешённый вопрос: сколько ещё этой бедолаге дадут пожить?

С того дня прошло порядком времени, но, когда я про-

хожу тем двором, голова сама поворачивается к бойлерной, в которой нашла спасение мышка из банки. И я с грустью и какой-то щемящей надеждой ищу глазами тот серый комочек. Понимаю, что это глупо, что моей мышки, наверное, давно уже нет, что даже если я и увижу мышь, то не смогу определить, та ли она или совсем другая. Понимаю, но всё равно поворачиваю голову и напряжённо смотрю. А сердце щемит. А на глаза накатываются слёзы. Наверное, образ узницы банки навсегда стал частью моей души. Мы ведь практически не знаем, что собой представляют наши души и что формирует их части. Может, мы не замечаем, ненавидим и убиваем именно то, что потребно нашей душе? Иначе откуда появилась во мне эта вселенская боль? Может, мы извели и уничтожили почти всё, что как раз и формирует наши души, и оттого стали такими чёрствыми, злыми и агрессивными? Вот ведь и я до этого случая был не таким. Эта маленькая мышка изменила меня. Своими крошечными размерами она пробудила во мне что-то большое и настоящее.

Валерий Готман

Родился 14 августа 1954 года в многодетной верующей семье.

Интерес к поэзии привила мама, самоучителем стала книга «Мысль, вооружённая рифмами». Затем занятия по стихосложению углублялись благодаря книге Н. Ф. Шалатовского «Строй и ясность» и поддержке друзей.

Валерий стремился к совершенству в работе над текстом, постоянно находясь в поиске выразительных средств.

Вдовец, имеет 7 детей и 14 внуков. По профессии – жестянщик, имеет среднее специальное образование.

На пенсии, но продолжает работать.

«Убегают дни от нас…»

Убегают дни от нас,
Как грабители,
Похищая в поздний час
Всё, что видели
Глаза наши и что руки
Наши сделали,
Поражают на бегу,
Словно стрелами.

Пробежали дни,
В душе след оставили…
И… так много наших дум
Поисправили…
Всю мечтаний чашу
Враз опрокинули,
Коррективы в жизнь внесли
И… покинули…

Но не жаль того, что вспять
Не вернуть нам их,
То, что шум движенья их
Навсегда утих,
То, что свет минувших дней
Навсегда угас…

Важно то, чему они
Научили нас!

Просто пожелание…

Повсюду помни:
Язык что ножик!
Он сердце ближних
Поранить может.
От слов и радостней,
И тревожней!
Будь со словами
Поосторожней!

«Есть люди с именем негромким…»

Есть люди с именем негромким
И незаметным средь других,
Но в их сердцах, в их духе скромном,
Как в недрах, – залежи любви!

Они в работе ежечасно!
Как рудокопы доброты,
К скорбям других небезучастны,
Несут больным любви цветы.

Богатства их сердец открыты.
Не для себя они живут.
Они близки сердцам забытым,
Их дом – для странников приют.

Не обойдут они вниманием
Того, кто в трудностях, в нужде.
Их соучастье – врачеванье.
Молитвы их – заслон беде.

Они друзей приобретают
Сокровищами добрых дел.
Они о бедном помышляют,
И помощь ближним – их удел.

На них сам Бог с любовью ставит
Печать: «Познал Господь своих»,
Тех, кто неправды путь оставил.
О! Больше было бы таких!

Да, есть такие, слава богу,
Что могут стон сменить на песнь,
Что мимо слёз пройти не могут.
Есть души любящие, есть!

Они живут по воле Бога.
Их жизнь есть свет в неверья мгле.
Жаль, в мире их не очень много.

Стремись же, друг, быть в их числе!

«Поощренье – это сила…»

Будем внимательны друг ко другу,
поощряя к любви и добрым делам…
Послание к евреям святого апостола Павла. Глава 10

Поощренье – это сила
Тех, кто изнемог от дел.
Поощренье – это стимул
Новых импульсов в труде.
Поощренье есть лекарство
От усталости и слёз.
Приведёт в улыбок царство
Тех, кто приуныл всерьёз.
Поощренье – это радость,
Старт для новых добрых дел.
Поощрять друг друга надо,
Чтобы плод усердия зрел!..

О правде

Правда, колющая глазки,
Нежеланна, нелюбима.

Многим в жизни для отмазки
Больше ложь необходима.

Рассказать всё так, как было,
Даже и небезопасно…
Лишь глядит на всё уныло
Правда, втиснутая в сказку.

Ложь теперь на правды троне
Восседает, как царица,
А принцесса-правда стонет,
Заточённая в темницу.

Дать свободу ей боятся:
Как бы тайны не открыла.
Скрыть от всех её стремятся
Так, чтоб в заточенье сгнила…

Но неведомо злодеям,
Что она в веках живуча!
Неподвластна их идеям,
И бессмертна, и могуча!

Униженный лживым сказом
Будет Господом оправдан.
Хоть и люта лжи проказа,
Победит в итоге правда!

Наш Господь и здесь, и в небе —

Царь царей, Бог вечной правды!
Пусть же взор сильней, чем к хлебу,
Будет к истине направлен!

«Добро – творенья нашего ребро…»

Добро – творенья нашего ребро.
Творить добро – предназначенье наше.
Ведь нами сотворённое добро
Жизнь делает нам радостней и краше!..

Упрёк

Упрёк – это ложка горчицы на торт.
Упрёк – это соль на открытую рану.
Родных в мелочах упрекать может тот,
Кто сам свою душу питает обманом.

Неверное мненье – оценка слепца,
Узреть в человеке добро – неспособность…
Желанью судейства не будет конца.
Упрёк есть фундамент для междоусобиц.

А надобно выучить жизни урок:
Кто мысли болтливостью опережает,

Кто в слове не медлен, тот скор на упрёк,
Тот слышать другого способность теряет.

Позицию истины важно занять:
Упрёком не лечат, упрёком казнят.
Не быть чтоб судьёю, неверно виня,
Способность имейте – другого понять!..

О русском языке

Контроль над речью нужен жёсткий.
Поднял о помощи он крик,
Жаргонизированный хлёстко
Великорусский наш язык.

Порой понять бывает трудно,
О чём ведётся разговор.
То, видно, действует подспудно
Проникший в речь приличья вор.

«Забравадировала» наглость,
Бесстыдство рвётся из одежд.
Родную речь остригла наголо
Эпоха хамов и невежд.

А ведь каким он был певучим,
Простой и скромный русский слог!

Теперь над ним сгустились тучи
И вьётся сквернословья смог.

Лишь Бог изменит образ мыслей
И нашу речь, а без Него
Реванш приличия зависнет.
Любой другой рецепт не гож.

О Русь! Склонись пред силой Божьей
И от беспечности очнись!
Не оскверняй язык свой ложью,
Читать Евангелие начни!

И лишь когда в твоё сознанье
Струя проникнет Божьих слов,
И речь наполнится сияньем,
И будет царствовать любовь!

«Фонтаном радости из сердца бьёт любовь…»

Фонтаном радости из сердца бьёт любовь.
Она собой вокруг всё оживляет.
Её плоды нас убеждают вновь и вновь,
Что скрыта в ней энергия святая!

Изобретательность на доброе в ней есть.
Находчивость – её прерогатива!
Любимых радовать – и долг её, и честь.
Любовь способна множить полк счастливых!

Любви влияние от детства до седин
Способно придавать на подвиг силы.
У любящих сердец и дух, и нрав едины.
Огонь любви не гаснет до могилы!

Любовь нам дарит и тепло, и свет
И заставляет сердце биться чаще.
Способна дать мудрейший свой совет
И жизнь нам делает весомее и слаще!

Пригласительной одной

Рука в руке! И жизнь в едином ритме!
Живой очаг целебного огня!
Сердца одной стрелой острее бритвы,
Не пронзены, а сшиты в свете дня!

Синхронное биенье сердца в сердце.
В оценках и желаньях – единенье.
Раскрытые сердец любимых дверцы.
Готовность к непрерывному общенью.

Единый жизни путь – в судьбе судьба.
Тропинок двух слияние в одну.
Одна для двух с соблазнами борьба.
Один маршрут в небесную страну!

Дел неотложных перечень единый.
И цель одна – прославить Всеблагого!
И для сотрудничества веские причины:
Из двух одно составить в жизни новой!

И гармонично жить в душе душа.
Плодами добрых дел прославить Бога.
Семья лишь с Иисусом хороша
И радости плодов приносит много.

Напрасна попытка

Скрыть совести пытку,
Виновный поднять не желает глаза.
Но есть избавленье:
Признанье в смирении.
Прощёных суда не пугает гроза.

«Желая доброго другим…»

Желая доброго другим,
Вы для себя добро творите.
Добро над злом – победы гимн!
Оно – печали победитель!

«Первый запах весны…»

Первый запах весны —
Запах талого снега,
Запах слёз снеговых,
Обоняния нега!
Озорной вешний ветер
Вдруг стряхнул иней с вётел,
Что росли у дороги,
Подгоняя к порогу
Испарину проталин,
Память нам воскрешая,
Как подснежник искали,
Встречу с ним предвкушая…
Взмокла шуба зимы,
Прохудилась местами…
Солнце – враг всякой тьмы —
Просверлило лучами.
С этих дыр, как меж лат,
Вьёт весны аромат…
С наступленьем весны
Явью видятся сны,

Всё становится новью,
Вёсны пахнут любовью!
Пахнут муз оживление
И на труд вдохновением!

Январские рубежи

В дни последние января,
Вкратце ежели говоря,
Свищет зимушка – вуаля —
Это присказка февраля!

Змейки лижут пунктир дорог
Так, что пеший давно продрог…
Да и фурам, хоть глаз коли,
Трудно высмотреть колеи.

Перемёты как гребешок.
Для водителей – зябкий шок.
«Зафевралил» январь, как шут,
Направляя к теплу маршрут.

С ног сбивает позёмок тьма,
Следом – снежная кутерьма…
Друг, на численник не гляди,
Знай, февраль ещё впереди.

И завьюжит ещё сильней.
Испытает всех снеговей.
Снега вырастут, как грибы,
В полный рост подопрут столбы…

Это будет, ну а пока
Выпей чашечку кофейка,
Не страшись никаких стихий.
В кресло, друг, и читай стихи.

«Верность Христа не имеет границы!..»

Любящие же Его да будут как солнце,
восходящее во всей силе своей.
Судьи 5:31

Верность Христа не имеет границы!
Если сказал Он: «Не бойся, лишь веруй!»,
Не умерла, лишь уснула девица…
Вера твоя будет многим примером,
Радостью будут охвачены лица!

За руку взял и сказал: «Встань, девица!»
Вмиг пробужденье! Как бег из темницы…
Видишь? Жива дочь! Пусть счастье продлится!
Веруй! И сердцу не дай усомниться!
Вера надеждой в душе пусть искрится!

Верен Творец судьбоносным заветам.
Веруй Создателя каждому слову!
Все они вечным наполнены светом.
Божьим глаголам любовь есть основа.
Всё животворно, целебно при этом!

Верность Иисуса – фундамент надежды.
Как был вчера, так сегодня Он тот же.
Он неизменен! Такой же, как прежде.
Он, утверждая нас в истинах божьих,
В святости нас облачает одежды.

Верность Христа – образец посвящения.
В Нём – эталон послушанья до смерти.
Те лишь, кто верен Христову учению,
Выстоять смогут средь зла круговерти,
Те лишь готовы к Его восхищению!

«Рисует осень яркие картины…»

Стезя праведных – как светило лучезарное,
которое более и более светлеет до полного дня.
Пр. 4:18

Рисует осень яркие картины:
Лесов убранство, праздничность садов,

Под золотом листвы – огонь рябины,
В трав изумруде – акварель грибов…

Богата осень ценными плодами,
В ней радует нас каждый новый день.
Порой хоть небо хмурится над нами
И нагоняет пасмурную сень,

Всё ж солнце, призывая всех к порядку,
Пронзая нити облачной парчи,
Плоды румянит на ветвях и грядках,
В кисть живописца превратив лучи…

Мы призваны во тьме греха мертвящей
Для всех людей быть солнцем восходящим,
Чтоб ближний наш, отведав жизни хлеба,
В лучах любви мог созревать для неба!

«Напрасна попытка…»

Напрасна попытка
Скрыть совести пытку,
Виновный поднять не желает глаза.
Но есть избавленье —
Признанье в смиренье.
Прощённых суда не пугает гроза.

«Жизнь людская словно шопинг…»

Жизнь людская словно шопинг
В гипермаркете.
Вся реклама в переизбытке разных
Жарких тем.

Можно брать всё то, что глазкам
Твоим нравится.
Каждый выбором своим свободно
Правит сам.

Только помни, друг, что касса
Есть на выходе.
Что платить тебе придётся
За все прихоти!..

И не скроешь ничего, что есть
В корзиночке.
Не забудь же, что бюджет твой
Нерезиновый!..

Прежде чем хоть что-то взять,
Подумай, нужно ли.
Чтоб к излишествам любым
Мы были чуждыми.

Чтоб долги горой не высились
Над нуждами,
Оставаться чтоб всегда
Со всеми дружными.

Друг, о выборе советуйся
С Создателем!
Лишь Его советы
Живы, основательны.

Чтоб пройти среди витрин
Победной поступью,
Все проблемы разрешай
По воле Господа!

Александр Ефимов

Родился 25 августа 1958 года в Москве. Окончил МВТУ им. Н. Э. Баумана. Является соавтором сборника «Игры Новгородской области». По результатам этнографических экспедиций в Рязанскую область в составе клуба «Клуб друзей игры – Клуб народных традиций» опубликован в соавторстве с Е. А. Ефимовой и Б. В. Горбуновым сборник «Игры Рязанской области», также сделаны доклады на I и II Лебедевских чтениях, Виноградовских чтениях. На Циолковских чтениях представлена работа, посвящённая народной игре в творчестве К. Э. Циолковского. Публиковался в ру-

кописных изданиях общественной организации «Клуб друзей игры», в местной газете микрорайона Крылатское и в институтском сборнике «Строфы ЦИАМ». «Песня воздушного змея» звучала на фестивале воздушных змей в Тушино в 1999 году.

Картинки из детства

Будет немножко сумбурно и непоследовательно. Но иначе не получается.

Первая картинка – «Заика и очкарик»

Очкариком я стал в первом классе или в подготовительной группе детского сада. Обнаружили астигматизм. Не знаю, что это такое. Так что в первом и втором классе я был очкариком. А заикой я стал при следующих обстоятельствах. Моя мама работала, и её работа не позволяла опаздывать и филонить. На смену маме приходила бабушка Мария Алексеевна, между прочим, в своё время воспитанная в соответствующем институте благородных девиц. Бабушка приходила – я плакал. Мама уходила – я ревел…

Однажды случился рядом с нашим домом пожар. И бабуля потащила меня на него посмотреть. Как сейчас помню: по крыше бегают люди и катают огненные цилиндры. Какая связь с пожаром, до сих пор ума не приложу.

По вечерам, когда заходило солнце, я кричал: «Пожар! Горим!», наверное, так: «Пожал! Гоим!» С тех пор и заикаюсь.

А бабуля всё равно была классная! Как и дед, Дмитрий Петрович, которого прозвали денщиком.

Картинка номер два

На самом деле я боюсь назвать эту историю иначе…

До четырёх лет я жил в деревянном доме по улице Курская канава. Сейчас такой улицы даже не существует. На её месте громоздится корпус завода «Серп и Молот». Завод тоже канул в Лету. Не в этом дело. Главное, мы там жили, а летом снимали дачу в Царицыно у деда Егора. Там было хорошо. Историй и про этот эпизод моей жизни будет масса. Меня там все очень любили. Я был самым маленьким, и местные ребятишки за мной ухаживали. С их помощью у меня завёлся своеобразный аквариум: эмалированный таз с рыбками, которых дети отлавливали для меня в местной речке. Речка была с плотиной, как сейчас помню. Ещё у местной детворы было знаменательное дерево. Как говорили, пробковое. И правда, оно было полое внутри и мягкое. Таких, как я, тогда там могло поместиться не менее пяти. Некоторые эпизоды я знаю только по рассказам родителей. Ну, например, как на меня напал индюк. Или как дедушка Дмитрий Петрович ловил попугайчика.

Возле плотины и речки (название не помню) был холм.

Мы с мамой на этом холме загорали. Вид был прекрасный. Мы сидели на одеяле, постеленном на травке. А за несколько дней до происшествия мама стала слышать под землёй удары. И в последний, точнее, в крайний раз маме стало тревожно, удары участились, и мы ушли. Правильнее сказать, меня унесли. Только дошли до снимаемой дачи, как раздался грохот – над деревней появился огненный шар, и возник «ядерный гриб». Началась паника. Взрослые похватали вещи и документы и бросились на станцию… Потом выяснилось: взорвался газ. А взрыв произошёл как раз на том месте, где мы с мамой загорали. Господь спас. Вовремя ушли. Как это ни странно, но это место после взрыва до сих пор перед глазами стоит. Всё чёрное, именно чёрное, и обгоревшие столбы… То ли телеграфные, то ли электрической сети. Но этот текст я ещё буду дописывать. Уж больно яркие воспоминания, особенно о рыбках и попугайчике.

Начнём с попугайчика. Хозяин нашей дачи пришёл со станции и спросил: «Что это Дмитрий Петрович по полю скачет и шляпой пытается кого-то поймать?» Всё открылось довольно быстро: дед принёс в шляпе волнистого попугайчика. Попугайчика поймал соломенной шляпой. Шляпа была шикарная, с широкими полями. Мне она очень нравилась. Шляпа была знаменита ещё и тем, что её однажды с головы деда сорвала и утащила сова, правда, потом бросила. Попугайчик вроде был зелёный и маленький. Ему купили здоровенную клетку. Клетку очень хорошо помню. А попугай-

чика не очень. Клетка была круглая, с красивым верхом и очень толстыми прутьями. Попугайчик пролез между прутьев и принялся летать по комнате. Тут его кошка и сожрала… Так что я остался с рыбками. Рыбок, наверное, тоже таскала кошка, но их постоянно приносили местные ребятишки… После этой истории мне очень хотелось иметь попугайчика, но он появился у меня гораздо позже, когда учились в МВТУ. У Кимыча был волнистый попугайчик Гебельс, очень болтливый. Разговаривал ли он по-человечески, я не помню, но по-попугаичьи трещал без умолку. Ещё вылетал на балкон и, пообщавшись с воробьями, прилетал обратно в комнату. Я и Рыбка (Лёша Власов, прозвище – из-за аквариума, которым он обладал; у меня, кстати, тоже был) приобрели также по волнистому попугайчику. Моего назвали Гамлет, или ласково Гамушка. Лёшиного – Генрихом. Он оказался Генриеттой.

Мой Гамлет оказался очень талантливым. Через год, когда я был на втором курсе, уже стал произносить некоторые слова. Первым обратила внимание мама и написала мне, пока я был в стройотряде в посёлке Танзыбей (это в Минусинской котловине возле Минусинска и Абакана). Но это отдельная история… Для затравки – он ещё и по-немецки научился говорить.

Деревянный дом

До четырёх лет я жил в деревянном двухэтажном доме, на втором этаже вроде бы второго подъезда, где-то ближе к левому торцу дома. В распоряжении нашей семьи была комната с частью круглой печки. Кухня была общая, а всё остальное меня не интересовало. К 1962–1963 годам жильцы дома стали расселяться, и появились пустующие комнаты, которые сразу оккупировали парни и девушки и стали устраивать там танцы; мы, малыши, крутились у них под ногами. Старшие очень сильно ругались, особенно на бумажные абажуры вокруг электрических лампочек, но танцы не запрещали. Дом жил удивительно дружной жизнью. Может быть, это так казалось нам, ребятишкам. Но ни одного негативного случая вспомнить не могу. Правда, для игр места было маловато: двор небольшой, обрамлённый сараями, по которым мы бегали, нас гоняли. Мелкоту, то есть таких, как я, в игры принимали и не обижали. У нас тоже был свой сарай, где стояла бочка с квашеной капустой.

Интересный был обряд квашения капусты. Даже не само квашение, а подготовка. Бочка поднималась в комнату и набивалась полынью. В печи нагревали докрасна колу́н[87] и, вынув щипцами из печи, бросали в бочку. Из бочки валил ду-

[87] Колун – разновидность топора, предназначенная для колки дров.

шистый полынный пар. Колун вынимали и несли на улицу. Там его бросали в снег, и он протаивал аккуратную дырку в снегу, как раз по своей форме.

Так ещё делали, когда ломалась ручка колуна и надо было выжигать остаток, застрявший в отверстии.

У деревянного дома удивительный запах. Я его вспомнил, когда уже на новой квартире пришёл в дом своего школьного товарища… Был ещё один совершенно особенный запах: запах ватных валиков, проложенных вдоль оконных рам. Нельзя сказать, что он был неприятный, но очень странный, резкий и колючий. От него почему-то кружилась голова. Валики заканчивались небольшими стаканчиками, наверное, баночками из-под консервов. Окна зимой покрывала сконденсировавшаяся вода, она стекала вниз, а по валикам – в баночки. Так как мы уехали из деревянного дома, когда мне было четыре года, то я и видел подоконник и баночки, а для того, чтобы выглянуть в окно, нужно было на что-то залезть. Когда переезжали, маме сказали: «Шура, мы дадим тебе квартиру, но только за городом, в Кунцеве». Наш деревянный дом расселили очень быстро, а то время, пока он расселялся, было самым интересным. Можно было исследовать опустевшие комнаты. Наверное, это было и самое рискованное для дома время: мало ли что происходило в бесхозных квартирах. Повторюсь, дом, конечно, жил очень дружно. Я вот, например, помню, как меня мыли. Закрывали двери кухни, включали газовую плиту. Нагревали воду, а заодно прогревалось и по-

мещение. И всё время, пока меня купали в детской ванночке, жильцы, пришедшие с работы, терпеливо стояли и ждали под дверью кухни. А дверь была остеклённая, запотевшая, их было с трудом видно.

Был ещё эпизод, который мог закончиться очень и очень плохо. Так как отопление было печное, то накапливалась зола, и эту золу забирала у нас соседка моей тёти. Они жили в частных домах с земельным участком. У тётки был палисадник. А у соседки – огород. Вот огород золой и удобряли.

Продолжение следует

Командор Хренов

Это не ругательство! Так было написано на визитке Хренова Николая Николаевича из Донецка. Мы познакомились с ним в городе Скадовске на фестивале воздушных змей.

У него была ещё Хренова Галя – дочка, и Хренова команда змеенавтов из Донецка. Саша Казаков и Георгий Балковой позже ездили к нему на фестиваль в Славяногорск.

С юмором мужик! Такие живут вечно, хотя бы и в нашей памяти.

У него было много историй, я помню одну. Вот она.

У клуба, которым он заведовал, была своя канатная дорога, подъёмник на Домбае. И была своя гостиница. На Домбае

тренировались донецкие горнолыжники и парапланеристы.

Н. Н. ходил с чайником, в чайнике была налита водка, и он награждал глотком горячительного за удачный спуск. Ну, может быть, не за каждый, а отправляя отдыхать в гостиницу.

Собрался лететь со склона парапланерист. Дождался порыва, поднял параплан… Как там они кричат: «Клева́нты![88] Клева́нты!..» Понятия не имею, что это такое. Параплан управляется натяжением строп. Потянул стропы – купол надулся, убрал – ослаб. Вправо и влево поворачивают, подтягивая стропы с соответствующей стороны.

Парапланерист взлетел и пошёл вдоль склона. В это время передали об ухудшении погоды. Полёты и спуски прекратили, но этот был уже в небе. Ему по связи передали, чтоб садился. Он стал приземляться.

И тут из-за горы выполз смерч и всосал парапланериста в себя… Покрутил и выплюнул сверху. Параплан, к счастью, раскрылся. Парапланерист снова попытался сесть. Смерч снова подкрался сзади и всосал его. Снова выплюнул…

И так продолжалось ещё два или три раза. И было ясно, что кончится это плохо.

В крайний раз мужик, видимо, опыта хватало, не дал куполу раскрыться и камнем полетел к земле. Раскрыл купол только у самой земли. Шмякнулся, наверное, основательно,

---

[88] Клеванты – это ручки, к которым присоединяют управляющую стропу параплана.

но сразу сбросил с себя ремни крепления параплана к летуну (не знаю, как они называются) и побежал… Видимо, боялся, что опять смерч догонит. Н. Н. крикнул: «Поймайте его!» Мужика-парапланериста поймали, подвели к командору Хренову, и тот влил в него всю оставшуюся водку из чайника.

Всё кончилось благополучно.

Вообще-то парапланеризм – очень травмоопасный вид спорта. Один из таких спортсменов ходил на наши фестивали воздушных змей, а однажды не пришёл!

Его друзья потом рассказали: упал на Кавказе во время неудачного полёта и сломал позвоночник.

Я сам однажды видел, как сложился из-за бокового порыва параплан у нас в Крылатском. Правда, потом снова раскрылся. И на деревья они у нас садились, а их потом снимали…

Но самая колоритная история, конечно, Хренова Н. Н.

Пусть он живёт вечно!

Светлана Иванова

Состоит в Российском союзе писателей и в литературном клубе «Творчество и потенциал». Является победителем в конкурсах: «Ева» в номинации «Ева. Хранительница», «Человек слова» в номинации «Волшебный мир детства». Включена в «Справочник современных детских писателей». Финалист премии «Наследие». Удостоена наград: звезда «Наследие» II степени, орден «Хранитель традиций», знак «Золотое перо русской литературы», знак «Искусство слова». Присвоено почётное звание «Гражданин литературы», «Автор года – 2025».

Авторские сборники: «Мелодия души», «Розовые розы», «Шёпот звёзд», «Снеговик спешит на праздник», «Хочу в Париж!», «Вальс сентябринок».

Светлана Леонидовна имеет высшее образование. Считает поэзию мелодией души, отдаёт предпочтение пейзажной, философской, любовной лирике, иронии и юмору, пишет стихи для детей.

Покатилось наше лето

Наливаясь вкусом, зрело,
Поспевало до поры,
Покатилось, полетело
Лето яблочком с горы.

Отзвенело росным утром,
Отплясало мотыльком,
Прожило в краю премудром,
Растворяясь день за днём.

И в предутреннем тумане
В травы ссыпалось росой,
Заблестело на шафране
Каплей нежно-голубой.

Августовскою прохладой
Разливаясь средь цветов,

Тут же ярким звездопадом
Вглубь скатилось городов.

Растревожив город душный,
Разогнав с цветов пыльцу,
С ветром дерзким, непослушным
Лето близится к концу!

Бабье лето вновь плетёт интригу

Бабье лето вновь плетёт интригу,
Осень не пускает на порог.
Дайте, что ли, жалобную книгу:
Лето пусть допишет эпилог!

Снова с бабьим летом ночью
По лесам запели соловьи,
Сердцем не готовы к межсезонью.
Лето, свой уход останови!

Дай нам насладиться тёплым солнцем,
Чуточку согревшись в сентябре.
Лица пусть покроются румянцем,
Засияют от прогулки во дворе.

Тонкой паутинкой тихо осень
С каждым днём крадётся во дворы,

В небе вытесняя лета просинь,
Раскрывает яркие шатры!

Осень с летом закрутила

Осень с летом закрутила
Лёгкий свой роман.
О дождях совсем забыла,
Их сложив в карман.

Всё окутав паутинкой
И шурша листвой,
Раскраснелась вся рябинкой,
Став ему родной.

С летом их роман продлился
Только десять дней.
Словно сон любви приснился,
Был он всех милей.

Но пришла пора прощаться,
Лето отпустить.
Как же вместе им остаться
И тепло дарить?

Растерялась осень… слёзы
С туч бегут ручьём,

Лист последний вниз с берёзы
Сброшен октябрём…

Месяц вышел

Проснувшись, месяц вышел,
Вокруг лишь полумрак.
Он бросил свет на крыши
Слегка и на чердак.

Он сонно потянулся,
Свернулся вновь клубком,
Три раза оглянулся:
Нет, тихо всё кругом!

Как будто почесался
И даже вздрогнул он,
Когда сосны коснулся,
И погрузился в сон…

Он в космосе бездонном
Морозным декабрём
Висит средь ночи тёмной
Огромным пузырём.

И никакого дела
Ему нет до того,

Что ночь уже светлела
Зарёй, укрыв его!

Я из счастья сошью сарафан

Я из счастья сошью сарафан,
А из радости сделаю бантик.
Я за ручку возьму чемодан,
И как самый последний романтик
Поскорее отправлюсь в Милан!

Никогда не была за границей,
Наконец-то лечу отдыхать,
Тороплюсь поскорей туда птицей.
Солнце будет меня обнимать!

Там заснеженных улиц и парков
Я не встречу за отпуск почти,
Прогуляюсь, куплю всем подарков.
Без меня ты, зима, не грусти!

Ты веди тут себя поприличней,
Вьюгой ночью в окно не стучи.
Нет меня там сейчас, как обычно.
За меня ты других не буди!

Я вернусь, только солнцем согреюсь,

Покуражусь в его я лучах.
Ну а если я вдруг разболеюсь,
Заскучаю о белых снегах?..

Непременно тотчас я приеду,
Прилечу я, стремглав прибегу,
Без пушистого белого снега
Я прожить долго там не смогу!

Луна как пёс в ночи

В межзвёздной россыпи морозной
Луна, как пёс в ночи, одна,
Сторожевой, чуть-чуть серьёзной
Дворнягой выглядит она.

Сидит, виднеясь рыжим боком,
К звезде соседней наклонясь,
В ночи боится ненароком
Хвостом звезду задеть, ложась.

Мороз трещит и звёзды крошит
На искры снежного дождя,
Пегаса ночью растревожит,
Луну спугнёт, снежком хрустя.

Пегас сорвётся в выси тёмной,

Несясь в космической дали —
Где в той загадочной Вселенной
Приют планеты обрели.

Осень разгулялась по кварталам

Осень разгулялась по кварталам,
Город мой уставший тихо спал.
Осень свою песню напевала,
Дождик, заливаясь, хохотал!

Так они идут вдвоём обнявшись,
Осень рыжая и дождь грибной.
Листья им вдогонку, оторвавшись,
Мчатся с летней тёплою душой.

Мне бы задержать немного осень
В самой молодой её поре,
Чтобы не кончалась неба просинь,
Листья всё кружились в той игре.

Мне бы задержаться вместе с ними
И продлить на осень жизни бег,
Улочками вновь бродить ночными,
В осени найти свой оберег!

Ветер-бродяга

Осень нечаянно в лето влюбилась,
В яркие платья скорей нарядилась,
С жёлтыми листьями ловко играла
И от любви своей словно порхала.

Самой счастливой была наша осень:
В небе сияла яркая просинь,
Солнце кружилось, лучами играло,
И паутинка по лесу летала.

Так бы всё длилось, и длилось, и длилось,
Если бы осени вновь не случилось
Ветром весёлым и шумным увлечься
И от любви своей прежней отречься.

Ветер-бродяга, откуда ты взялся?
К осени юной зачем привязался?
В вальсе кружил ты наивную осень.
План ведь твой был совсем несерьёзен?

Осени – юной наивной девчонке
В яркой, короткой и пышной юбчонке —
Голову ветер совсем задурил
И незаметно у лета отбил.

Лето, оставшись одно, загрустило,
Светлые дни свои враз сократило,
Утром попозже теперь солнце бу́дит
И, уходя, скоро землю остудит.

Юная осень была переменчива,
С ветром-бродягой судьбою повенчана.
Дальше от лета она с каждым днём,
С ветром играя, идёт под дождём!

Ветер весёлый и шумный вначале,
Дальше – серьёзней его не встречали:
Сильным стремиться и быть холодней.
Тёплых не встретим мы осени дней…

Я знаю, как любовь уходит

Я знаю, как любовь уходит,
Неслышно растворяется в делах,
Забудет позвонить сначала,
При встрече нет улыбки на губах.

Глаза отводит вдаль и вновь спешит,
Забудет пожелать спокойной ночи,
Наутро мимо пробежит
И вместе кофе пить со мной не хочет.

Я знаю, как любовь уходит:
Из сердца, из души и мыслей враз,
При разговоре тему переводит
И делать всё вдруг станет напоказ.

Смешны неловкие её шаги,
Нелепость брошенных каких-то фраз:
Нелестные они и могут быть резки
О том, что видимся в последний раз.

Тихонько, шаг за шагом и ушла
В другие параллели и пространства.
Она другой себе путь избрала,
Чтоб даже в памяти не возвращаться.

Ромашки

Запенились в поле ромашки,
Их будто волна принесла,
Морские смешные «барашки»
Раскрасив поля добела.

И кружат над ними букашки,
Жужжат и стрекочут с утра,
Лишь позднею ночью ромашки
Уснут сладким сном до утра.

А утром, как солнце проснётся,
Раскинет лучами объятья,
Ромашка нам всем улыбнётся.
Гадать на судьбу станет сватья!

Подскажет, кто любит, не любит,
А может, слукавит тогда,
Когда скажет: «Миг тот наступит,
Любовь к нам вернётся сюда!»

Мы с верой сорвём лепесточек,
Что вдруг всё изменится враз:
«Ромашка, ты мой ведь дружочек,
Соври про любовь ещё раз!»

Расплетает косы лето

Расплетает косы лето,
Всё вокруг блестит от солнца,
Золотится лучик света,
На волне он распадётся:

Превратится в брызги цвета
Очень яркого букета
В каплях нежного рассвета!
Ну на то оно и лето!

Летом, кажется, всё можно —
Пережить былое горе,
Будто жить не так и сложно,
Отдохнуть душой в просторе!

А в лесу свой счёт кукушка
Прокукует нам раз триста.
И у лета есть макушка —
Здесь раздолье для туриста!

Летом сходятся приметы,
Покидает нас ненастье,
И идёт, надев штиблеты,
По тропинке наше счастье!

Не всем нам будет девяносто

Не всем нам будет девяносто
И, может, даже сорок пять.
Ведь жизнь прожить совсем непросто
И невозможно вновь начать.

Притормозить мгновение, сойти
В полях пьянящих и забыться,
Нажать на кнопку «Сохранить».
Не суждено мечтам всем сбыться.

Сейчас бы счастьем дорожить,
Стремиться завтра сделать лучше,
Любить и верить, просто жить,
Вокруг стараться жизнь улучшить.

Быстрей с годами жизни ход,
А нам бы ею наслаждаться,
Она ведь быстро промелькнёт,
Лишь в памяти и сможет отозваться.

Года никто нам не вернёт,
Но солнце также по утрам восходит.
Но мы всё ждём то время, что придёт,
А время беспощадно лишь уходит…

Разъезды

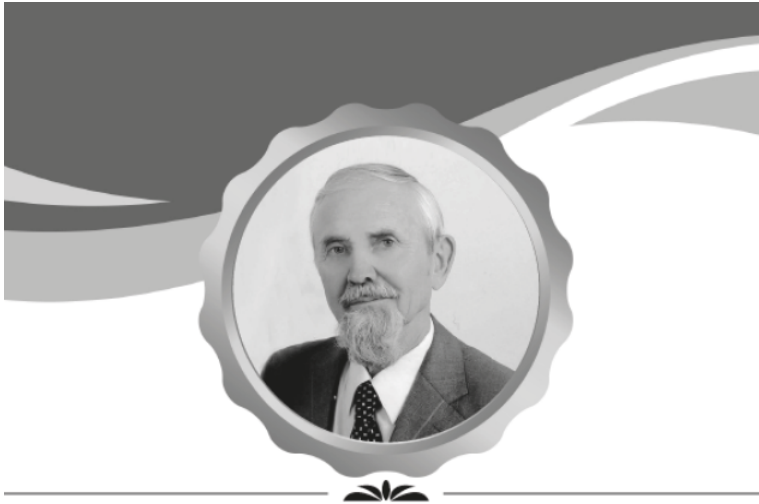
Разъезды, разъезды, разъезды,
Мелькают кругом поезда,
Вагоны, приезды, отъезды
Разводят людей навсегда.

Глядят в незнакомые лица,
Любимых глаза б отыскать,
Душа их надеждой искрится,
Стремится скорей обласкать.

Разъезды, вагоны – все пёстры,
Колёса стучат и стучат,
Проносится жизнь словно вёрсты,
Глаза в них с надеждой глядят.

Там годы мелькают столбами,
Считая так прожитый срок,
Мы, их провожая глазами,
Спасибо шепнём за урок.

Альберт Кайков

Альберт Сергеевич литературным творчеством увлёкся, выйдя на пенсию. Опубликовал 5 стихотворных сборников и 22 книги прозы: «Потерянное детство», «Встреча через полвека», «На заполярной широте», «Под северным небом», «В Туруханской тайге», «В угодьях хантов», «Чёрная пурга», «Наши студенты в Америке», «Семья фронтовика» и другие.

Награждён орденами: «Святой Анны», «Нестор летописец», «Александр Невский», «М. В. Ломоносов» и медалями.

Альберт Кайков – член Союза писателей России, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Таёжная трагедия (Глава из повести «В Туруханской тайге»)

Одинокий обласóк[89] упрямо скользил против течения Енисея вдоль его левого берега. Здесь течение значительно слабее, чем посередине могучей реки. Руки Петра работали непрерывно, как автомат. Однолопастное весло крутилось каруселью около правого борта лодки. Раздетый по пояс, с хорошо развитой мускулатурой, его торс напоминал скульптуры греческих богов. Сильными мускулистыми руками он уверенно преодолевал быстрое течение. Заплыв на значительное расстояние против течения, Пётр резко повернул долблёнку поперёк реки. Течение подхватило лёгкую лодку и понесло вниз. Спорить было бесполезно. Используя течение в своих целях, он грёб веслом только с левого борта, удаляясь всё дальше и дальше от берега.

Петру было двадцать лет. Парень слыл лучшим рыбаком и охотником. В плечах широк, ростом под сажень, стоит, бывало, среди мужиков – всех выше на полголовы; здоровый румянец играет на щеках, тёмно-русые волосы вьются. Первым красавцем был не только в Зотино, но и в Ворогово. Ни один праздник с песнями и танцами без него не обходился.

---

[89] Обласок – сибирская гребная лодка-долблёнка. Используется коренным (южные селькупы, ханты, манси, кеты) и старожильческим русским населением Западной и Средней Сибири на таёжных реках.

Он всегда в центре внимания, многие девчата на него заглядывались. Особенно неравнодушно относилась к нему Татьяна. Девушка на год его моложе, крепко сложенная, сильная и здоровая, с тёмными, как смоль, волосами и карими глазами. Любое дело у неё в руках горело. В огороде, на сенокосе, в избе ли, одна за двоих могла управиться. Подругам она говорила:

– Девчата, ох и мил мне Пётр, обязательно за него замуж выйду.

– Размечталась! – отвечала ей Ксения, лучшая её подруга. – Он что, тебе предложение делал?

– Пока не делал.

– А с какой стати он должен тебе предложение сделать?

– Он всегда на танцах со мной танцует.

– Со мной тоже танцует, – не унималась Ксения, – может, я за него замуж выйду.

– Я тебе выйду! – угрожающе произнесла Татьяна. – Все твои волосы на голове мигом выдеру, смотреть не на кого будет.

Ксения прикусила язык и в полемику больше не вступала, зная характер, силу и крепкую руку подруги. Если та задумает, то и в самом деле волосы может выдрать.

Пётр знал неравнодушное отношение к себе Татьяны, но жениться ни на ней, ни на какой другой девушке пока не собирался. Считал, что ещё рано обзаводиться семьёй.

Лодку снесло к устью реки Вороговки. Вытянув лёгкую

долблёнку на отмель, Пётр подошёл к устью реки, напился и обмыл потное тело. У него на глазах происходило слияние двух рек. Это интересное зрелище заинтересовало его. В Енисее вода была мутно-синего цвета, в него со скоростью вторгалась прозрачная, как стекло, вода Вороговки. Она оттесняла от берега на несколько метров енисейскую воду, текла параллельно, постепенно с ней перемешиваясь.

Берега Енисея и устья Вороговки, высокие и скалистые, казались неприступными. Пётр подумал, что они, возможно, оберегают лесные просторы на крутом берегу от незваных гостей. Возникло сильное желание разведать тайгу по берегам ещё незнакомой ему реки. Налюбовавшись суровыми красотами, Пётр поплыл вверх по течению. Река оказалась полноводнее, чем он предполагал. Она проложила своё русло между скалистыми берегами. На узких прибрежных полосках берегов лежали гальки и крупные валуны, отшлифованные водой. Сквозь чистую прозрачную воду просвечивалось каменистое дно. В глубоких заводях у дна он видел тайме́ней, ленко́в и ха́риусов[90]. «Богатая река, – думал Пётр, – не уступит нашему Дубчесу».

Оторвав взгляд от воды, он стал рассматривать высокие берега. Его взгляд привлёк кедр, который уцепившись корнями в расщелине скал, парил над рекой. «Значит, есть в этих местах кедровый лес, – обрадовался Пётр, – где кедрач,

[90] Таймень, ленок и хариус – представители семейства лососёвых, но имеют разные особенности описания, среды обитания и образа жизни.

там всегда найдёшь белку и соболя».

Вскоре его путь преградил шумный перекат-водопад, скатывающийся с пятиметровой высоты в глубокий плёс. Через четырёхметровую толщу воды виднелись огромные таймени. Они стояли в раздумье: подниматься вверх или ждать добычу, скатывающуюся по перекату. Осмотрев всё вокруг, Пётр понял, что без верёвки ему обласок по перекату не поднять. Оттащил его на отмель подальше от воды и начал осторожно подниматься по каменистой отмели вдоль переката. В верхнем бьéфе[91] переката берега ущелья стали ниже, и он поднялся на высокий берег, переходящий в холм, посмотрел на солнце, которое подбиралось к полудню, определил направление на север относительно реки и начал спускаться в долину, раскинувшуюся между холмами. Он всегда ориентировался по солнцу, направляясь по незнакомой местности. Его окружали ели и сосны, в лесу стоял полумрак, через развесистые кроны сосен солнце не всегда пробивалось к земле, чувствовалась прохлада.

Пётр шёл не спеша по распадку, внимательно осматривая местность, пытаясь найти следы зверей и птиц. К его удивлению, с деревьев ни разу не сорвался глухарь, не зацокала белка. Постепенно распадок сузился, деревья стали реже и ниже, на него подул холодный ветер. «Надо выбираться из этой трубы», – подумал Пётр и стал подниматься на холм. С

[91] Бьеф – часть реки, канала, водохранилища или другого водного объекта, примыкающая к гидротехническому сооружению.

каждым шагом растительность становилась беднее, на вершине холма росли кедры-карлики высотой чуть выше его роста. Их ветки были увешаны дозревающими шишками. Он остановился и подумал: «Странный здесь лес, но не возвращаться же восвояси несолоно хлебавши».

Впереди до самого горизонта расстилалась таёжная ширь. «С богом, вперёд», – сказал сам себе вслух и продолжил путь. Спустившись в долину, попал в кедрово-сосновый лес с мягкой моховой подстилкой, на которой очагами пылала спелая брусника. Здесь лес ожил. Пролетали спугнутые кедровки, стучал по стволу дерева лесной неутомимый труженик дятел. Под ногами встречались пустые кедровые шишки, брошенные любителями полакомиться молодыми недозревшими орешками. Пётр всё видел, всё примечал.

Неожиданно впереди в просвете между стволами деревьев кто-то промелькнул. «Неужели лось?» – подумал он. В нём вспыхнула охотничья страсть, захотелось увидеть зверя ближе. Потихоньку, прячась за стволами деревьев, подошёл к полянке, на которой увидел девушку, собирающую бруснику. Он остановился за толстым стволом сосны и разглядывал её стройную гибкую фигуру. На ней были ситцевый сарафан и льняная куртка, надетая, скорее всего, от гну́са[92] в тёплую погоду. Из-под косынки на голове выбивалась прядь светлых волос, похожих по цвету на отбелённый лён. Девушка ходила по полянке, наклоняла гибкий стан и уверенным движени-

[92] Гнус – совокупность кровососущих двукрылых насекомых.

ем правой руки срывала бруснику, пропуская кисточки ягод между пальцев. Затем изящным движением бросала их в туесóк[93], который держала в левой руке.

Пётр стоял неподвижно, боясь спугнуть прекрасное видение. Она, видимо, почувствовала его пристальный взгляд, выпрямилась и повернулась в его сторону. Их взгляды встретились. На него смотрели удивлённые и испуганные голубые глаза, в которых, показалось Петру, можно утонуть. Красивое белое лицо украшали чуть вздёрнутый небольшой носик и слегка припухшие губы.

– Ты кто, красавица? – первым заговорил Пётр. – Из какой сказки сюда явилась?

– Кто ты и как сюда попал? – не отвечая на его вопрос, проговорила душевным мягким голосом девушка.

– Меня звать Петром.

– Это плохое имя. Царь Пётр был антихристом.

– Я не царь, я простой рыбак и охотник. Скажи своё имя.

– Не можно мне с тобой разговаривать, я и так согрешила, – произнесла она и собралась уходить.

– Постой ещё минутку, – умоляющим голосом проговорил Пётр.

– Не можно!

– Приходи в следующее воскресенье на это место, я тебя буду ждать, – проговорил Пётр вслед удаляющейся красави-

---

[93] Туес (туесок, бурак) – сосуд из бересты цилиндрической формы с донышком и открытым верхом.

це.

Это была Наташа – единственная дочь Потапа. Его жена Пелагея скончалась при вторых родах с мертворождённым ребёнком. В таёжной глуши у староверов врачей не было, повитуха справиться с родами не смогла. Похоронив любимую жену, Потап всю свою любовь отдавал дочери, баловал её, как только мог. Одним из первых при сдаче пушнины взял для неё ситец, рассудив, что хватит девке в дерюге[94] ходить. Следом за ним такие подарки для жён и дочерей стали делать другие члены общины. Этим он навлёк на себя гнев пастыря Харитона.

Наташа, возвращаясь в скит раскольников с неполным туеском брусники, думала: рассказывать отцу о встрече в лесу или не рассказывать. В конце концов решила, что встреча была случайной, больше его она никогда не увидит, зачем об этом речь вести. Она весь остаток дня загружала себя домашними делами, стараясь отгонять мысли о случайной встрече.

Всю неделю Пётр не выходил у неё из головы. Она старалась не думать о нём, но память постоянно возвращала к его образу. Наташа то вспоминала, какое красивое у него лицо, то его высокий рост и одежду, слышала его необычную речь. Вечером, засыпая, решила, что на встречу не пойдёт. Утром её решительность постепенно ослабевала. Когда подошёл день назначенной встречи, какая-то неведомая сила

[94] Дерюга – плохая, грубая ткань, одежда.

заставила её схватить туесок и почти бегом помчаться в лес.

Переплывая Енисей, Пётр почувствовал, что нечаянная встреча придала ему прилив физических сил – его обласок с удвоенной скоростью скользил по поверхности воды. Сильно запала в его сердце с первого взгляда неизвестная белокурая красавица. Ему милы были её стать, манера говорить, голос и, конечно же, голубые глаза, которые он постоянно вспоминал. Он догадывался, что она из секты староверов. Это могло осложнить его общение с ней. Всю неделю он думал о предстоящей встрече и опасался, что она может не прийти. В условленное место прибыл раньше назначенного времени.

Когда увидел приближающуюся девушку, неожиданно для неё вышел из-за ствола дерева ей навстречу. От испуга она громко ойкнула и остановилась. Её сердце учащённо стучало то ли от быстрой ходьбы, то ли от радости встречи.

– Здравствуй, красавица, – как можно ласковее произнёс Пётр, – я уже думал, ты не придёшь.

– Дай бог и вам здоровья, – мягким голосом ответила она.

На её щеках разгорался румянец, глаза потупились от смущения. Понимая её состояние, Пётр продолжал:

– Не бойся меня, я тебе ничего плохого не сделаю, мне любо с тобой разговаривать и смотреть на тебя.

От этих слов её белые щёки до ушей залил яркий румянец, глаза потупились. Она взяла в руки косу, спускающуюся через плечо к поясу, и стала теребить её конец. Такой скромной и застенчивой девушки Пётр ещё не встречал. Ему по-

казалось, что она пришла в двадцатый век из древней Руси. Красота стоящей перед ним девушки и её скромность окончательно покорили его, и он решил во что бы то ни стало добиться её расположения. Прерывая затянувшееся молчание, спросил:

– Скажи мне, пожалуйста, твоё имя.

– Наташа, – ответила она.

– Очень красивое имя. Скажи, Наташенька, как ты здесь оказалась и где ты живёшь?

– Недалече скит стоит, в нём я с тятей[95] проживаю. А ты, мил человек, где живёшь?

– Я живу по ту сторону Енисея, в посёлке Ворогово. Наверное, о таком не слышала?

– Почему не слышала? Ведаю! До пожара в том краю наш скит стоял, да сгорел до основания.

– Значит, мы с тобою земляки, по соседству жили.

– А ты, Петя, какой веры? – неожиданно спросила она.

Этот вопрос поставил Петра в тупик. Он в школе был комсомольцем. О вере знал только то, что она – опиум для народа. Правда, в то время он не знал, что такое опиум. Ему хотелось ответить так, чтобы не оттолкнуть от себя Наташу.

---

[95] Тятя (*устар.*) – отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.